

Ирина ЛОБУСОВА
ДВЕ НЕДЕЛИ
У МОРЯ

18+

@ЭЛИТА

Ирина Лобусова

Две недели у моря

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165878
Две недели у моря: Аэлита; Екатеринбург; 2015*

Аннотация

Роман со звездой – чем могут обернуться такие отношения в реальной жизни? Что будет с отношениями, если лицо любимого мужчины постоянно мелькает с экрана телевизора, а сплетнями про него заполнен весь Интернет?

Случайная встреча в ночном клубе с популярным художником, живущим в Лос-Анжелесе, полностью изменила всю жизнь героини – студентки медицинского вуза. Чем закончится их роман, и что принесёт обоим такая нестандартная история любви?

Две недели у моря стали самым лучшим, драгоценным воспоминанием и самым страшным, что только случилось в судьбе девушки. Какие уроки извлечёт она из невероятного испытания, посланного судьбой?..

Ирина Лобусова

Две недели у моря

© ЭИ «@элита» 2015

* * *

Мы лежали на жёлтой прибрежной скале, и у ног наших расстиралось море. Оно было удивительно спокойным и немножко прохладным я определила это чуть раньше, попробовав воду рукой. От моря исходил пьянящий и терпкий запах в нём ощущалась горечь.

В его глазах отражался цвет холодных морских волн. Его глаза оставались неподвижны и абсолютно спокойны. Но я знала, что на самом деле это не так.

– Очень светлое небо сегодня, – сказал он, – такое фантастически светлое. После вчерашней грозы.

Я посмотрела вверх, потом усмехнулась:

– Если бы ты хотел избавиться от меня, то лучшего случая, чем сейчас, никогда бы и не представилось. Посуди сам: мы вдвоём, вокруг ни души. Мы лежим на высокой скале, внизу – камни и море. Столкнуть меня вниз – никто и не заподозрит, что это был не несчастный случай.

Его лицо по-прежнему было непроницаемым и спокойным. Он сохранял молчание. А я уже не могла молчать:

– Убей меня, – я подняла глаза прямо на него, вверх, – убей меня здесь. Сейчас. Убей меня, и я ничего никому не скажу. Если ты убьёшь меня, всё, что было между нами, останется тайной. А если ты боишься меня убить – скажи. Я сама прыгну со скалы.

Я ждала его ответа так, как будто от него действительно зависела моя жизнь. Но он тихо засмеялся, и так же, не поворачивая головы ко мне, сказал:

– Начитавшаяся детективов, дурочка.

Потом стало тихо. Только крик чаек. И море. Так и осталось оно во мне в толчее улиц, площадей, проблем, каких-то людей... Ещё осталось странное чувство: так исчез романтический ореол, окружавший нас, и мы отчётливо поняли, как должно быть. Наверное, именно поэтому я попросила о смерти. Для меня гораздо лучшим и менее болезненным выходом была бы смерть. Но он этого не понимал. Или просто делал вид, что ничего не понимает.

Мы лежали так, на скале, долго. Очень долго. И всё время молчали. И море звало к себе, а мы оба делали вид, что не понимаем, просто не слышим его зов. Потом, спустя столько часов (я даже не помнила, сколько прошло времени), он заговорил первым:

– Ты ведь не любишь меня, да?

– Не знаю.

– Всё было глупо?

– Не совсем. Просто прожит какой-то отрезок жизни. Всё

всегда возвращается на свои круги. И мы очень скоро вернёмся тоже. Ты – в свою огромную свободную страну на берегу океана, который я, наверное, никогда не увижу. Ты вернёшься туда, где должен быть – к своим бесподобным картинам. Я – в свою жизнь. Ты будешь создавать новые миры и жить в них. Я останусь в мире старом. И только короткие эсэмэски на Новый год. А может, и не будет никаких эсэмэсок. Для конспирации в Фэйсбуке ты удалишь меня из списка своих друзей. Никто не узнает, что у нас двоих, навсегда, останется солоноватый вкус моря на губах. А может, и не останется. Кто знает.

– Или мы не разъедемся?

– Скоро сядет солнце. Вернёмся назад?

– Скажи правду.

– Ты этого хочешь? Ты действительно этого хочешь?

– Нет. Ты права. Не хочу.

– Кто знает, какая она, правда? Слова? Наш поступок?

Море? Твои картины?

– Так суждено?

– Не знаю.

– Но море останется?

– Наверное.

Больше мы не говорили никогда. И потом не было эсэмэсок на Новый год. И он действительно удалил меня из друзей в Фэйсбуке. Его картина называлась «Триптих одиночества». Раньше я думала, что такого просто не может быть.

Позже поняла – может.

Сколько прошло времени, но закрою глаза – и слышу крик чаек. Сколько бы ни было народу вокруг, но тогда я – одна. И как далеки были мы от любви! Сколько прошло времени, а я всё ещё пытаюсь успокоиться этой мыслью. Но закрываю глаза – и его руки обнимают только меня, я касаюсь кожей его волос, а где-то совсем рядом бьётся прибор. Меня преследует терпкий, пьянящий аромат нелюбви. И на губах ощущается солоноватый привкус моря.

Какое множество друзей у меня было! Только на Фэйсбуке около трех тысяч. Вернее, не друзей – приятелей, но это не имело значения. Я никогда не задумывалась о смысле жизни. И это было хорошо. Я часто веселилась в компаниях в ущерб лекциям. В институте меня окружала толпа народу. Приходила домой, обедала, и вновь убегала куда-то гулять. Мой мобильник не замолкал ни на секунду. Без его трезвона я чувствовала себя скверно. Я не выносила тишину.

Парни, с которыми я гуляла, менялись каждую неделю. Это были лёгкие, ни к чему не обязывающие отношения, просто весёлые, забавные молодые люди, с которыми было приятно сходить в ночной клуб, на модную вечеринку или просто хорошо провести время. Иногда был секс. Но это был лёгкий, ни к чему не обязывающий секс, как глоток прохладного шампанского в жаркий июльский полдень. Просто приятное продолжение хорошего вечера – ничего больше. Я даже не запоминала их имен. Всё это не имело никакого зна-

чения.

Потом, через время такой веселой, ни к чему не обязывающей жизни, у меня появился жених. Самый настоящий жених, всё, как положено! С ним было так спокойно и надёжно, что я как-то сразу выделила его из всех остальных. Постепенно он оттеснил всех мужчин и занял центральное место в моей жизни. Словом, это был милый, тихий и очень надёжный парень, прощавший и друзей, и вечеринки, и ухажёров, и то, что я никогда не могу усидеть на месте, и часто сама даже не представляю, что со мной происходит.

Он был старше меня на 5 лет и плавал под флагом – механиком на иностранных судах. Деньги не являлись для него проблемой. К тому же, он был очень рассудительный, и так размеренно и точно планировал будущую жизнь, что я просто не могла справиться с противоречивыми чувствами: то ли мне с ним скучно и от него тошнит, то ли это мечта, с которой я хочу провести весь остаток своей беспокойной жизни.

Я знала его с детства. Он был сыном очень хороших знакомых моих родителей. Лет с трёх, наверное, я знала, что когда-то выйду за него замуж. Я мечтала об этом ещё в детстве, я просто не представляла себе другого мужа. Поэтому, когда мы поделились общими знаниями об этом щекотливом предмете, оба набора предков были более чем рады.

Я занималась на третьем курсе Медицинского института, куда меня устроили, кстати, его родители, потому, что брат

его отца был деканом педиатрического факультета. Его семья постаралась так серьезно, что я даже попала на бюджет, а не на контракт. Конечно, родителям моим поступление в Медин влетело в очень хорошую копеечку, но они не жаловались. Предки меня всегда понимали, и если мне было хорошо в этом вузе, им тоже было хорошо.

Так в будущем отечественную медицину ожидало значительное дополнение в лице величайшего врача всех времён и народов – то есть, меня. То, что я иногда прогуливала лекции и занималась не очень, было вопросом второстепенным, и к делу не относилось. Я готовилась стать педиатром, и уже смирилась со своей участью, потому, что такая участь, в принципе, меня очень даже устраивала.

То, что я занималась в Медине, было очень престижно. То, что мой жених был достаточно богатым молодым человеком, было тоже престижно. От полноты чувств он подарил мне машину – маленький «матис», и теперь я могла гонять по городу, нарушая все возможные правила дорожного движения и собирая штрафы, которые, кстати, не издавая ни единого звука, он и платил.

Я и казалась, и чувствовала себя довольной своей жизнью, потому что окружающие, во-первых, мне завидовали, во-вторых, были устроены хуже, чем я. А в-третьих, у них не наблюдалось надежд устроиться так же хорошо. Поэтому я считала, что очень довольна жизнью. Наверное, это действительно было так.

В августе планировалась наша свадьба. Предки отнеслись к этому событию очень серьёзно. Все траты и расходы распределили заранее. Предполагалось заказать крутой ресторан, а в свадебное путешествие отправить нас в речной круиз по Европе (круиз захотела я, так как никогда не плавала на кораблях). Мне собирались шить свадебное платье (ни в коем случае – не на прокат!). Я мечтала о семейной жизни. Мой жених купил нам отдельную квартиру (правда, однокомнатную, но зато в очень хорошем районе, в центре). На моем горизонте не было никаких туч, и я даже не знала, что иногда лучи яркого света заслоняют от мира темные облака.

Наверное, я бы так и прожила всю свою жизнь без всяких облаков, в мягких, спокойных, уютно греющих солнечных лучах. И кто знает, сколько бы ещё длилось моё счастье, если бы я не поехала в Москву зимой, на новогодние каникулы (воспользовавшись тем, что мой жених находится в очередном рейсе), не попала бы в тот ночной клуб, не познакомилась бы там и не разбила бы всю свою жизнь... Впрочем, всему своё время. И об этом – более подробно.

Звонок застал меня врасплох. Случилось это как раз в начале новогодних каникул. Звонила двоюродная сестра – мы всегда поддерживали с ней самые близкие, дружеские отношения. Сестра моя уже 5 лет жила в Москве, работала дизайнером в одной крупной фирме по оформлению частных художественных галерей. Сейчас она пригласила меня в гости – посмотреть Москву. И я согласилась.

Действительно, почему нет? Я никогда не была в Москве, а другой случай вряд ли представится в ближайшем обозримом будущем. Жених мой отсутствовал полностью, застряв в очередном рейсе где-то в районе Тихого океана, в глуши, в которой не было даже Интернета, и редко-редко звонил или писал короткие эсэмэски. Мне было скучно. Большинство друзей по компаниям и тусовкам куда-то разъехались. Я прозябала в одиночестве, не зная, чем занять время, появившееся у меня в избытке, и даже обрадовалась звонку сестры – ещё бы, такая возможность! И почему мысль поехать к ней раньше не пришла мне в голову?! Родители тоже не возражали: сестра моя была у них на хорошем счету. И в один прекрасный январский день я отправилась в аэропорт.

Когда самолет оторвался от земли, и всё, что окружало меня прежде, превратилось вместо улиц и дорог в одеяло из лоскутков, я вдруг подумала, что теперь буду жить немного иначе, теперь в моей жизни появится что-то новое... У меня, конечно, возникали предчувствия о том, что в жизни моей может что-то измениться, но я даже не представляла себе, насколько. И как же быстро суждено сбыться тому, о чём я мечтала по время двухчасового перелета в Москву.

Нет никакого смысла описывать впечатления от квартиры сестры и от города – воздержусь от этих описаний. Тем более что в моей памяти они стерлись практически все. Ничего не осталось между промежутком аэропорта и баром. Вернее, это был не совсем бар – скорее маленький ночной клуб. В

него мы отправились в четвёртый вечер моего пребывания в Москве. Мы каждый вечер отправлялись куда-то. Сестра принялась развлекать меня на полную катушку, я только не совсем понимала, что именно происходило: она пыталась развлекать меня или пускала пыль в глаза себе. Ведь правду-то, что в Москве у неё не всё вымощено лепестками роз, я угадала достаточно быстро. Особенно после того, как сестра проговорила: в Москве не клеится, возможно, год, два, и вернётся назад.

На самом деле работа её была временной, квартира – съемной, перспектив – никаких, на носу 36-ой день рождения, а многочисленные любовники приносили не пользу, а вред. Словом, всё было понятно и так. Но она ни о чём не догадывалась. Поэтому каждый вечер продолжала водить меня по разным местам, как слонёнка на поводке. Почему слонёнка? Габариты здесь ни при чём, просто в её окружении я была диковинкой. Симпатичной диковинкой. Как плюшевый игрушечный слонёнок.

Клуб оказался маленький. Вполне обычный. Затенённые плафоны. Официантки в мини-юбках. Негромкая музыка, похоже, джаз. Несколько свободных столиков в глубине. Сизая атмосфера окутывает помещение туманом – можно курить, и дым коромыслом. Я понимаю, что цены здесь не будут заоблачными. Похоже, действительно приятное место. Как в самом начале сказала моя сестра, едва мы переступили порог: не для тусовки, а для души.

Моя сестра была своим человеком в различных кругах. Так она поспешила пояснить, что в этом баре часто собираются художники. Причём и известные, и абсолютно не признанные – без разницы. Просто такое приятное место, и ничего больше.

Когда мы вошли внутрь, компания, сидящая за одним из столиков в самой тёмной части зала, заметно оживилась. Это оказались приятели сестры, а нас было трое: я, сестра и её последний друг, вполне симпатичный молодой человек с хорошим будущим, с которым она встречалась вот уже второй месяц. Сама она как будто стыдилась этой степенной связи, и даже пояснила мне: «Он, в принципе, ничего... Ничего необычного, серенький. Разумный. Но говорят, у него хорошее будущее. Интересно, это правильно – спать с кем-то ради его будущего?» Такая вот рационально-разумная любовь...

Мы присоединились к компании, и принялись пить тёмное пиво – действительно необычное, тёмного цвета. Мне лично оно показалось тёмно-красным. Не знаю, почему. Наверное, из-за освещения в клубе. Но у этого странного пива действительно был неплохой вкус. Друг сестры не курил, пиво не пил и показался мне жутко скучным типом. Впрочем, я довольно быстро перестала обращать на него внимания. На таких, как он, обычно не задерживают взгляд.

Остальные же приятели сестры показались мне вполне милыми людьми. По крайней мере, они не напрягали, не пя-

лились на меня, как на экзотическую диковинку, и общаться с ними было даже приятно.

В середине веселья сестра вдруг дёрнула меня за рукав.

– Посмотри направо – видишь последний столик возле стены?

– Да. Ну и что?

– Там сидит Филипп Рубинов!

– А кто такой Филипп Рубинов?

– Слушай, деревня, ты меня не позорь, – зашипела сестра, и, едва она закончила шипеть, я сразу вспомнила, кто такой Филипп Рубинов: довольно раскрученный, довольно известный художник. Ну и что? Если бы он был кинозвездой... Художники же представлялись для меня каким-то иным, очень далёким миром, и этот мир абсолютно меня не интересовал. Но для сестры, вращавшейся в этих кругах и прекрасно знавшей всех художников Москвы, Европы и даже дальнего зарубежья, Филипп Рубинов, похоже, был значительной величиной. Мне не хотелось её разочаровывать, поэтому я издала что-то вроде возгласа «Ух ты!», подумав, что лучше бы за столиком сидел Киркоров.

Вся компания тут же обернулась туда, сразу обрадовавшись, что появилась новая тема для разговоров.

– Интересно, что он здесь делает, – сказал одна из девиц, – и когда он успел приехать?

– Неделю назад. Он был в нашей галерее, – ответила сестра, – исключительно мерзкая личность.

Я с удивлением взглянула на неё. Сестра принялась пояснять:

– Рубинов – тусовщик. Он живёт то в Лос-Анжелесе, то в Москве. В Эл-эй у него большой дом, и в последнее время он редко покидает Америку. Подвизается на одной из голливудских студий. По его анимации поставлено несколько крутых мультиков – помните «Героев холодного озера»? В Лос-Анжелесе он занимается киношной работой, и очень выгодно, но большей частью продаёт в России картины.

– Портреты? – спросила я, зная о творчестве Филиппа Рубинова столько же, сколько о культуре древних ацтеков.

– Нет. Он не пишет портреты. Вообще. У него работы похожи на кубизм – этакие психоделические пейзажи... Но очень многим нравится.

– А тебе?

– Мне – нет!

– Он женат? – пискнула одна из девиц, сидевших за столиком.

– Никогда не был женат, и детей у него нет, – тут же прокомментировала сестра, – но спит он со всеми, это точно. У него принцип жизни – никогда не жениться, так он сам об этом говорит. Но зато баб столько – не сосчитать. Да кто с ним только не спал! И я тоже спала, только из этого не вышло ничего хорошего. Скотина он страшная! А в постели – так себе, ноль без палочки.

– Ты с ним спала?! – поперхнулась я, за порогом собствен-

ной провинциальности не понимая, как можно так откровенно, а, главное, публично, в присутствии всех, говорить о подобном, но, похоже, для мира, в котором вращалась сестра, это являлось совершенно нормальным.

– Да, было пару раз. От скуки. Но с Рубиновым нельзя иметь серьёзные отношения, все это знают. Он не только бабник, он ещё и придурок. Испортил мне красками дорогое платье, причем не по злобе, а просто так. Он совершенно без крыши. Психотип такой.

– А я тоже с ним спала, – пискнула одна из девиц, и тут же раздались другие голоса: «и я», «и я тоже»...

– Ну, вот видишь, – усмехнулась сестра, – он со всеми спал. Такой уж он тип.

– А сколько ему лет? – спросила я.

– Сорок шесть. Почти вышел в тираж, но ещё не полностью. Хотя выглядит он, надо отдать должное, неплохо.

– Пьёт? – поинтересовалась я (всё-таки я что-то слышала о художниках).

– Как все, – сестра пожала плечами, – ни больше, ни меньше других. Любит виски и хороший коньяк. У него есть, на что пить. Богатый, сволочь, заработал в Америке денег. Попал в нужное время в нужное место. Хотя талант у него довольно посредственный, зато прохиндейские способности – будь здоров! Умеет устроиться в жизни, и своего не упустит. Особенно в финансовом смысле. Но скупой до чертиков! Не поверишь: один раз я пошла с ним в ресторан, так он заста-

вил меня платить за себя!

– И меня тоже, – тут же раздались голоса других девиц, – И со мной такое было... И меня тоже....

Словом, всё было понятно с Филиппом Рубиновым. Я поняла, что от таких мужчин меня просто тошнит. Между тем, я поняла, что мы коснулись важной, животрепещущей темы. Истории о Рубинове посыпались, как из рога изобилия, как будто кто-то повернул кран. Или вытащил пробку из переполненной бочки. Наверное, Филипп Рубинов был действительно выдающейся личностью, если стольким людям ну просто не давал покоя...

К разговору (от ревности, что ли?) подключилась мужская часть нашего столика. Конечно, они не спали с Рубиновым, но им тоже имелось, что сказать, и никто не собирался оставаться в стороне.

Особенно пьяный кадр (и чем он только надрался, пивом, что ли?) даже толкнул нечто философское:

– Филипп Рубинов – это отжившая часть отмирающего искусства, бросающего вызов современному отрицанию традиций... – И, по-видимому, сам устал от такой мысли.

Никто так и не понял, что он хотел сказать в отличие от того, что рассказывали остальные, в том числе, и друг сестры. Всё даже закончилось тем, что я с интересом стала прислушиваться к этому разговору, то есть к фактам и слухам из жизни Филиппа Рубинова.

Так рассказывали, что Филипп Рубинов был абсолютно

признан и знаменит на весь мир. Его картину «Портрет Богоматери» продали на аукционе «Сотбис» за пять миллионов долларов. Такая сумма сделки стала настоящей сенсацией – особенно когда выяснилось, что эту картину, чем-то напоминающую полотна ранних кубистов, приобрела одна из стареющих голливудских звёзд первой величины.

У Рубинова была масса учеников, последователей, поклонников. Его манера, его стиль позволили ему стать не только постоянным объектом всевозможной критики, но и идиолом для подражания. Некоторые даже считали, что Рубинов намеренно создает культ своей личности, искусственно провоцируя какие-то сплетни и совершая дурацкие выходки.

Одной из тем о жизни Рубинова, не дающей никому покоя, конечно же, были его любовные похождения. Он никогда не говорил на эту тему, обеспечивая эксклюзивную возможность почесать языки всем окружающим, что давало щедрую почву для всевозможных (и порой самых невероятных) слухов и сплетен.

Ещё Рубинов отличался своими эксцентричными выходками. Он славился острым языком, и часто говорил, что думал. Такая прямота, конечно, не добавляла ему поклонников, и очень не нравилась многим окружающим. Другие же за эту прямоту и честность готовы были Рубинова просто боготворить.

В этот вечер больше всего говорилось об одной из таких историй. Не знаю, сколько было в ней правды, но, судя по

тому, что вообще рассказывали об этом человеке, правдой являлось всё.

Однажды Рубинова пригласили на знаменитый Каннский кинофестиваль в качестве почётного гостя – это ему устроили его деловые партнёры по Голливуду. И вот там, в Каннах, к нему стала клеиться одна европейская кинозвезда. Когда-то, во времена детства Рубинова, она была очень красива – просто эталон красоты. Ко времени их встречи ей исполнилось 52 года, она порядком пообтрепалась, и от легенды кинематографа осталось только имя, да довольно большое состояние, доставшееся после нескольких выгодных браков. Но внешне актриса была ещё ничего, одно имя чего стоило... И вот эта дама безумно влюбилась в Рубинова. Она купила его картин на несколько миллионов долларов. Она ходила за ним хвостиком, устроила шикарную вечеринку в его честь в одном из отелей. Словом, чего только ни делала ради своего идола. А что же Рубинов? Рубинов избегал её, как только мог. В конце концов, на вечеринке, устроенной в его же честь, он заявил ей в присутствии звёзд, журналистов и полчищ зевак и всевозможных вип-персон (заявил на чистейшем английском, так что его поняли все): «Да оставь ты меня в покое, старая дура! Почему ты до сих пор мнишь себя красавицей? Тебе давно пора на пенсию!»

От обиды кинозвезда подавилась шампанским, потом расплакалась. А историю раздули изо всех сил: газеты буквально сходили с ума, выписывая мельчайшие подробности, а что

уж делалось в Интернете!.. Многие злились на Рубинова за эту выходку, а один поклонник актрисы, европейский граф, попытался вызвать его на дуэль. Но не тут-то было: Рубинов попросту его высмеял, заявив, что простолюдин, и дуэлей не признаёт, зато может графу накостылять по-простому, по-русски.

В виду резкости Рубинова, журналисты терпеть не могли брать у него интервью: никто не знал, что он брякнет в следующую минуту, и не сделает ли из интервьюера публичное посмешище.

Ещё много трубили о скандале в одной из крупных парижских галерей. Рубинов подал на них в суд за то, что галерейщики посмели выставить его картины... с неподходящим цветом штор! Самое смешное было то, что суд Рубинов выиграл, так как пункт про шторы и соответствующее оформление имелся в контракте.

Рубинов часто мелькал на различных телешоу, любил пиариться, принимал участие то в дурацких кулинарных передачах, то в автогонках. Ещё он занимался декорациями к крупным спектаклям. Будучи голливудским художником, он оформлял декорации в своём исключительном стиле, и многим это очень нравилось. Но, конечно, происходили и скандалы. Например, однажды он взялся за оформление декораций к чеховской «Чайке» во МХАТе, но потом бросил на половине, не вернув денег. Более того, ту половину декораций, которую успел сделать, продал в абсолютно другой те-

атр. Перед камерами пояснил, что сделал это из-за личностного конфликта с режиссёром спектакля, который посмел нелицеприятно отозвать о его творчестве.

В конце всех этих рассказов меня перестало от него тошнить. Во мне появилось нечто вроде восхищения: надо же, так заставить говорить о себе всех! Не всякий способен на подобный подвиг. Обернувшись, я принялась смотреть на него в упор и смотрела, не отрываясь, несколько минут, раскрыв от восхищения рот и высунув от напряжения язык. Рубинов же меня не заметил.

Самое же интересное заключалось в том, что в клубе Рубинов появился абсолютно один. Он сидел в одиночестве за столиком и, судя по всему, был полностью поглощён открытым перед ним ноутбуком. Ждал ли он кого-то? Или просто зашёл отдохнуть, на несколько минут спрятаться от своей славы? Это было абсолютно непонятно.

Помню, я вдруг подумала, что такое вот одиночество в толпе совсем не похоже на репутацию вечного бабника, да ещё и настолько острого на язык, что одной репликой буквально убивал своих врагов. Он совершенно не показался мне таким уж страшным – серьёзен, деловит, чем-то озабочен, но не больше. Совсем не так, по моему мнению, должен был выглядеть модный художник и псих.

Был ли Филипп Рубинов красив? Почему-то я задумалась об этом в самую последнюю очередь. Нет, он не был красив в общепризнанном понимании этого слова. Но у него бы-

ло мужественное лицо, пронзительный взгляд ярко-зелёных глаз, и густая копна светлых, длинных, как у женщины, почти рыжих волос, яркой лавиной ниспадающих на его широкие плечи. Внешность его бросалась в глаза и моментально оставалась в памяти. Увидев его один раз, больше нельзя было спутать ни с кем. И это было намного важнее, чем внешняя красота. Такая вот индивидуальная запоминаемость, как показалось мне, являлась намного более ценным и важным свойством внешности, чем стандарты любых Аполлонов. И я подумала, что начинаю понимать, почему по этому человеку так сходят с ума женщины.

В мою сторону Филипп Рубинов даже не смотрел. Окружающую действительность в тот момент заменял для него экран ноутбука. Я же всё-таки заметила, что у него были морщины на лбу и усталость в глазах. Именно тогда я подумала о том, что на самом деле не знаю о нём ничего. И ещё: так ли просто и радостно быть знаменитым?

Почему-то, по какой-то странной причине я не могла оторвать от него глаз. А, отвернувшись, снова поворачивалась в его сторону. Почему так происходит, объяснить я ни за что не могла. Я сама не понимала этого. И потому вдруг стала чувствовать себя не в своей тарелке.

В конце концов, сестра тихонько шепнула мне, что так глазеть даже на знаменитость неприлично. А я всё продолжала смотреть. Рубинову принесли кофе, затем сок. Один раз он оторвался от компьютера и совершенно пустым, рас-

средоточенным взглядом уставился в какую-то точку прямо перед собой. Затем снова наклонил голову к ноутбуку.

К тому времени компания наша переключилась на какую-то другую тему – на какую именно, я бы вспомнить не смогла. Мне всё казалось, что они продолжают говорить о Рубинове, даже если бы они поклялись, что о Рубинове больше не произнесли ни единого слова. Всё равно, любое их слово было теперь о нём. Мне сделалось даже страшно: я совершенно не понимала, что со мной происходит, по той простой и самой верной причине, что подобного в жизни моей не происходило ещё никогда. Никогда, ни один человек не притягивал мой взгляд столь надолго. Ни один не вызывал такой жгучий, бешеный интерес. И, самое главное, ни один рассказ о ком бы то ни было не продолжал звучать в ушах даже тогда, когда все вокруг переключились на другие темы. Своего рода сумасшествие, объяснить которое я не могла, а потому, несмотря на страх, всё продолжала и продолжала смотреть на Рубинова.

Моя сестра стала собираться домой. Так же втроём мы вышли из клуба.

– Ты помнишь дорогу в квартиру? – спросила сестра.

Я ответила, что отлично всё помню.

– Тогда держи ключ – я сегодня ночевать не приду. Позвони, когда доберёшься.

Парень сестры тормознул такси, и они уехали, оставив меня в гордом одиночестве. Я немного постояла, собираясь с

мыслями и вдыхая остывший ночной воздух. Затем вернулась в клуб и села за столик к Рубинову. Он посмотрел на меня так, как, вероятно, смотрел на толпы фанатичных влюблённых поклонниц: бросил быстрый острый взгляд из-под насупленных бровей. Я оказалась буквально ослеплена блеском его глаз, слишком пронизательных для человека, как будто сохранявшего полнейшую невозмутимость. Он был не так прост, как кажется... И, наверное, особенно сложным для меня.

Зачем же я уселась за его столик? Зачем вернулась в клуб? Я не знаю. Вот правда, не знаю. И сказать мне об этом просто нечего. А кто вдруг решил, что всё в жизни можно и нужно объяснить? Ведь это так просто – делать что-то, не требующее никаких объяснений, просто потому, что так надо, и ты чувствуешь это в потаённых глубинах души. Есть вещи, которые нельзя, просто невозможно объяснить. Как невозможно объяснить встречу с самой судьбой.

Нет, в тот момент, когда я приняла это отчаянное решение, я не думала ни о каких судьбоносных встречах. Я сделала так потому, что сделала. И я не собираюсь ничего объяснять. И ещё: мне было очень любопытно, как он отреагирует на то, что сделала я.

Взгляд Рубинова был пронизательный, но абсолютно лишённый эмоций. Я могла поклясться на чём угодно, что в ту минуту, когда он поднял на меня глаза, он даже не видел меня. Я была просто колебанием воздуха, незначительным

изменением окружающей обстановки, не более. И, если уж говорить честно, совсем честно, это равнодушное невнимание причинило мне некоторую боль.

– Тебе что, автограф? – сказал Рубинов. Для него ситуация была абсолютно простой.

– Зачем мне автограф, если я не видела ни одну из ваших картин?

– Тогда что ты тут делаешь?

Я пожалала плечами. Рубинов нахмурился. Я поняла, что он собирается меня прогнать. Мне было интересно, прогонит или нет. Я решила, что если будет гнать – не уйду.

– Кто ты такая?

– Не знаю. А вы как думаете?

– Имя у тебя есть?

– Есть. – Я назвала своё имя.

– Ну и что? – теперь плечами пожал Рубинов. – Имя как имя. Ничего никому не говорит.

Я молчала, внимательно наблюдая за ним. Наш диалог постепенно стал напоминать какую-то безумную сцену, полную театрального абсурда. Наверное, это стал понимать и Рубинов, потому, что нахмурился, и сказал то, что и должен был сказать:

– Пошла вон.

– Нет. Не пойду.

– Может, позвать охранника, чтобы дошло быстрее?

– Всё равно – не пойду!

– Почему?

– Наверное, поняла кое-что. Вот вы спросили меня, кто я такая. А вдруг я действительно поняла? Может, я ваша совесть?

Брови Рубинова поползли вверх. Мне было интересно, будет ли он продолжать меня гнать. Неожиданно Рубинов сказал то, что вызвало моё сильнейшее замешательство.

– Ты ведь сидела за столиком с... – Он произнёс имя моей сестры.

– Да, – удивилась я.

– Это она тебя подослала?

– Нет, не она.

– Почему я должен в это верить?

– Потому, что она моя сестра.

– Ты серьёзно?

– Двоюродная.

– Могу только представить, что она наговорила обо мне.

– Нет, не можете.

– И ты, конечно, её слушала?

– По-вашему, я глухая?

Неожиданно, не столько для меня, сколько, в первую очередь, для себя, Рубинов рассмеялся, и лицо его стало менее серьёзным.

– Что ж, давай знакомиться. Что ты будешь – кофе или сок?

– Ни то, ни другое. Третье.

– Что именно?

– Шампанское.

– А я, между прочим, за рулём.

– А мне, между прочим, наплевать.

Рубинов рассмеялся во второй раз, и мне подумалось, что я выиграла второй раунд. Первый же выиграла тем, что осталась здесь.

Шампанское всё-таки появилось на столе. И когда сквозь тонкую призму бокала Рубинов принялся разглядывать моё лицо, я с отчетливой ясностью поняла, что сегодня не вернусь ночевать. И мысль эта опьянила меня посильнее любого шампанского.

Я принялась рассматривать его в ответ. Теперь он был совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, и вот по-настоящему я могла не отрывать от него свой взгляд.

У него было лицо хищника – заострённый подбородок, нос с горбинкой, стальные зелёные глаза, тонкие сжатые губы. Светлые волосы в беспорядке падали на плечи. Кажется, я уже писала об этом. Просто я никак не могла оторвать глаз от медово-огненного оттенка его волос. При ближайшем рассмотрении лицо его показалось мне ещё более некрасивым, чем раньше. Это было лицо человека, привыкшего повелевать миром и познавшего жизнь до самого дна. Я вдруг поняла, что нас разделяют не просто десятки лет возрастной разницы. Нас разделяет огромная временная пропасть. Я была ребенком и верила в волшебные сказки. Он – нет.

Отчетливо, болезненно, ясно я поняла, что этот человек не для меня. Что нас ничего, абсолютно ничего не будет связывать. Для него я останусь всего лишь девчонкой, одной из многих, имя которой он навсегда позабудет к утру. Но, когда он потянулся за своей курткой, ничто бы в мире не остановило мое падение в пропасть. Меня бы никто в мире не остановил...

Я не знала, что в нём нашла, но ни за что не смогла бы уйти. Даже зная, что буду для него одной из многих. Даже зная, что это короткое приключение причинит мне боль. Но, тем не менее, когда он предложил зайти в его мастерскую посмотреть картины, я первая поднялась с места – встала из-за столика быстрее, чем он.

Его джип был припаркован на стоянке клуба. Ездил он на БМВ Х-6. Крутая тачка, как сказали бы мои туповатые приятельницы по Фэйсбуку. И ни за что в жизни не поверили бы, услышав, что о машине я вообще не подумала ничего – по дороге к его мастерской мне хватало своих мыслей. Сказать, что были малоутешительные, значит ничего не сказать.

«Это всего одна ночь. Для него она будет ничем. Для тебя останется самым лучшим воспоминанием в жизни. Не обольщайся, что на следующее утро он тебе позвонит. Всё, что он сделает, тупо тебя трахнет и вышвырнет из своей жизни. Не маленькая уже, должна понимать». Отвечая на собственный ехидный внутренний голос, я шептала, что понимаю. Разумеется, понимаю. Но остановиться уже не могла. Я

была загипнотизирована им, как кролик удавом. И прикажи он мне спрыгнуть с крыши 16-этажного дома, я, наверное, беспрекословно бы взлетела наверх.

Я честно думала тогда, что эта ночь будет всего лишь одной ночью из многих, без последствий. Ничего не значащей, обычной – особенно для него. Но до сих пор до мельчайших подробностей я помню жесткость восточного покрывала на кушетке в студии. Помню прикосновения рук и губ. Пьянящий жар, волнами охватывающий моё тело, жар, от которого можно сойти с ума.

Тогда, уже тогда, занимаясь любовью на той кушетке, я испытывала исступление, которое не испытывала ни с кем другим. И это странное состояние, эти горящие спазмы тела, которые я не могла контролировать, подсказывали истину, вернее, зажигали на лбу горящими буквами: то, что произошло между нами, не просто одна обыкновенная ночь. Что-то происходит. Что-то будет происходить дальше. Я не знаю, чем это закончится, и закончится ли вообще... Уже тогда я начинала понимать, что история моей любви не будет примитивной простой историей. Истину, которую узнала полностью на жёлтой прибрежной скале.

Стоит закрыть глаза, и почему-то перед моей внутренней памятью постоянно встает наша первая ночь в его студии. А потом – ветер, ветер моря бьётся о подножия скал.

Я слышу голоса:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Короткий вопрос, требующий короткого простого ответа.
– Нет. Конечно, нет. Никогда.

А ветер, и чайки, и море, и волны, и воспоминания моей души – всё это кричит мне «да». «Да» – исступленно кричу я сама, просыпаясь в дурных снах. «Да» – кричу себе, захлёбываясь болезненным криком. «Да» – аккомпанируют губы, стёртые бесконечностью в кровь – бесконечностью горьких рыданий в пустой кровати, горьких, какие бывают только в одинокую ночь. «Да» – постепенно крик превращается в боль, в шелест... Но, несмотря на протяженность времени, он всё равно звучит только так: «да»...

Я отвечаю «да», а потом просыпаюсь. И понимаю, что и вопрос был сном. И не сказанный ответ тоже был сном.

– Да, конечно, любимый... Я выйду за тебя замуж... Да, да. ДА!

И тогда просыпаюсь. На моих губах – солоноватый вкус моря. А в жизни – пустое горькое «нет».

Студия Филиппа Рубинова находилась в центре Москвы. Я плохо знала расположение улиц, поэтому мне ничего не говорило её месторасположение, о чём сам Рубинов не преминул сообщить. Помню только, что ехали мы недолго. По дороге он успел рассказать, что живёт постоянно в Лос-Анжелесе, там у него большой дом, а в Москве у него только квартира и студия. Студия одновременно служит чем-то вроде офиса, когда в этом есть необходимость. В квартире же он временно останавливается, когда приезжает по делам в

Москву.

Рубинов сказал, что не любит Москву.

– Я приехал только неделю назад, и ты не поверишь, меня уже тошнит от этого города, и от этих людей! Такая смесь мещанства и местечковой тупости, которую не каждый сможет переварить. Какое счастье, что ты живёшь в нормальном городе, и не впитала в себя всю эту заразу в виде брэндовых шмоток и разукрашенных ногтей!

Мы зашли в какой-то невысокий дом, поднялись на лифте на третий этаж, и наконец вошли внутрь. Студия Рубинова оказалась абсолютно роскошной – я никогда не видела ничего подобного.

Это было огромное помещение, целый зал, декорированный в восточном стиле. С порога создавалось впечатление, что попадаешь в сказку из «Тысячи и одной ночи», настоящий восточный дворец. Мягкие цветные ткани переливались под ногами и являлись самым уникальным в мире ковром. Бронзовые резные лампы стояли на полу. Это была самая настоящая резиденция восточного владыки-инкогнито.

Поступая по велению настроения, я сняла пальто, сбросила сапоги и уселась прямо на пол, в эту большую цветастую лужу из дорогих тканей. Надо мной сказочными сводами возвышался восточный орнамент потолка.

– Мне всегда нравился Восток, – откуда-то сбоку раздался голос Рубинова – поражённая красотой и необычностью этого места, я даже выпустила его из вида. – Ты куришь кальян?

Я ответила, что не курю, и стала разглядывать маленький восточный столик из настоящего серебра, похожего на тонкое кружево. Наверняка стоил он целое состояние, а выглядел вообще как из сказки.

Появился Рубинов. Он принёс коньяк в пузатых бокалах, и тарелку восточных сладостей. Мы выпили, непонятно, за что. Рубинов рассматривал меня очень внимательно, но в этом взгляде не было никакой пошлости. Наоборот, я просто купалась в пронизательном внимании этих умных, совсем не раздевающих глаз. Он рассматривал меня со всех сторон и молчал. Я почувствовала себя очень неловко. Я не понимала, что происходит, и абсолютно не знала, что нужно сказать. Меня мгновенно подвела природная сообразительность, и, так как в голове не появилось никаких решений, я пришла к выводу, что лучше придерживаться «классической» тактики – тоже молчать.

Так прошло минут двадцать. Рубинов допил коньяк. Затем встал, схватил меня за руку и поднял с пола. Коротко скомандовал: «Пошли!» Я решила, что тащит он меня напрямиком в спальню, и очень возмутилась этой наглостью, просто даже бесцеремонностью. Внутренний голос с ехидцей прокомментировал: «Так тебе и надо! Сама напросилась».

Но всё оказалось не так – в Рубинове не было ничего отталкивающего и пошлого. Он привел меня в другую часть этого огромного пространства, в настоящую мастерскую, заваленную картинами, холстами, красками. В середине, зана-

вешенная плотной тканью чёрного цвета, стояла картина, достаточно большая, даже в пространстве этой объёмной мастерской.

Рубинов подошёл к картине и сдёрнул покрывало. Потом сказал:

– Смотри.

Это было совсем не то, к чему я мысленно готовилась и что ожидала увидеть. Но то, что открылось моим глазам, поразило меня в самое сердце, причём, навсегда. Я думала, что Рубинов просто известный и богатый художник. Теперь же я поняла, что Рубинов – гений. И это откровение, свалившееся на меня совершенно внезапно, буквально пришибло к земле.

Я молча застыла на месте. Человеческие глаза в середине толпы одичалых чудовищ на краю безлюдной пустыни. Замок, недостижимая мечта, вдали. Замок души, к которому устремлены все побуждения, все чувства. Тайная иллюзия разбитого сердца, тихая гавань, способная излечить все раны. И ясное понимание: эта мечта, эта иллюзия навсегда останется только мечтой. Одичалые чудовища не допустят твоего исцеления. И не останется ничего, кроме бесплодной пустыни, в которой будет ужасающе пусто и одиноко. И ты поймёшь, что рядом никого нет.

Я смотрела на эту картину, и удивительные чувства наполняли мою душу. Картина говорила со мной так, как ещё никто не говорил. Перед ней всё было обнажено, и, словно искусный хирург, производящий операцию, она извлекала са-

мые потаённые мысли и чувства из моего нутра. Она обнажала мою душу, поражая и мозг, и сердце. Меня захлестывали эмоции, не позволявшие говорить.

Я действительно не могла говорить. Мне было безумно странно, что кто-то так тонко и точно подсмотрел мой внутренний мир, увидел всё то, что я знала давно, но никак не могла высказать. Эта картина объясняла во мне многое, в том числе то, почему я села за столик к Рубинову. Именно такое проникновение в мою глубинную суть и было самым главным признаком, явлением, фактом, что Филипп Рубинов – великий художник. Но от осознания этой истины мне почему-то стало грустно. Для меня такое знание прозвучало, как приговор.

Мне даже показалось, что я вошла не в ту дверь. Ведь было уже абсолютно ясно и точно, что я села за столик не к тому человеку. Не к тому?.. Я всё ещё находилась во власти эмоций. А потому не могла говорить.

Рубинов молча наблюдал за мной. Читал, как всё, как в открытой книге, на моём лице. И, похоже, то, что он видел, ему нравилось. У меня ведь не было столько жизненного опыта, чтобы я могла профессионально скрывать свои чувства.

– Хочешь узнать название? – усмехнулся Рубинов.

– Хочу, – почему-то шепотом сказала я.

– Вечеринка, – снова усмехнулся он.

Тут я не выдержала:

– Почему вы так одиноки?

– Что?! – Теперь удивился он.

– Разве можно быть таким одиноким посреди людского мира? Разве можно – так? Что вы хотите найти?

– Ты странная маленькая девочка, – снова усмехнулся Рубинов, но ухмылка его вышла почему-то кривой. – Никогда больше не говори людям таких вещей. Им это может не понравиться.

– А вам?

– Разумеется, мне не нравится тоже. Ты не понимаешь в этой жизни абсолютно ничего. Нельзя идти по миру с таким открытым сердцем, как у тебя. Это опасно для жизни. Люди не настолько серьёзны и не настолько добры. И никогда – запомни, девочка, это пригодится тебе для жизни, – никогда не говори людям то, что на самом деле ты думаешь. Это самое главное правило, своего рода анестезия. Иначе тебе ждёт серьёзный болевой шок, от которого ты не выживешь. К сожалению, это правило придумал не я, а наш мир. Люди не любят философствовать на отвлечённые темы, когда эти темы касаются лично их. Поэтому больше не говори то, что ты думаешь. Что же касается меня... Я не одинок. Это иллюзия, созданная моей фантазией. Иначе я бы не был Филиппом Рубиновым.

– А эта такая радость – быть им?

– Разумеется. Неужели ты думаешь, что я хотел бы отказаться от всего?

Нет. Я так не думала. И я не думала, что он когда-либо ду-

мал о своём одиночестве. Я вдруг поняла, что он о нём даже не подозревал. Эта мысль была слишком сложна для меня. Поэтому я даже обрадовалась, когда Рубинов обнял меня за плечи и этим прогнал всех одолевавших меня бесов. Я буквально взвилась до седьмого неба, почувствовав его руки на своих плечах.

Прямо рядом со своим лицом я увидела его глаза. И ещё до того, как он поцеловал меня, до того, как впился обнажённой раной своего рта в мягкую податливую полость моих губ, я поняла, что теперь всё, всё в этом мире, всё в моей жизни заключается только в одном. Вовремя насладиться его любовью и вовремя уйти из его жизни. И ещё – вовремя умереть от тоски.

Блестящие огоньки ламп закружились в огненном вихре. Воспалённой кожей я почувствовала на своем теле горячую лавину его жадных рук. И всё погасло, всё исчезло, абсолютно всё в мире – свет в глазах, мерцание ламп. Был только он. Он. И больше никого не было во всём мире. И не существовало времени, которое возможно было бы повернуть назад.

Филипп Рубинов оказался просто великолепным любовником. То, что я испытывала с ним, я не испытывала ещё ни разу ни с кем. В моей памяти постепенно стерлись все самые нескромные подробности, осталось только пьянящее ощущение полёта, заполняющее меня всю. И такое же горячее падение в бездну, так как я вдруг поняла, что теперь обречена всех, абсолютно всех сравнивать с ним. Меня да-

же охватила некая горечь от такой мысли, ведь я не знала, будет ли продолжение этой ночи, и сколько нам ещё суждено ночей. Но жаркие прикосновения его тела, моё иступленное противостояние с собственной совестью (я ведь изменяла не моему жениху, я изменяла самой себе) опалили моё тело просто несусветным блаженством, и постепенно все сомнения стёрлись из памяти, осталось только то, как иступлённо мне было с ним.

Утром, часов в шесть, он растолкал меня, стащил с кровати и приказал убираться. Именно таким было мое пробуждение. Я блуждала где-то в сладких глубинах сонного забытья, из которого меня вырвал жёсткий толчок.

– Знаешь, ты не красавица, – валясь в постели, Рубинов нескромно рассматривал, как я одевалась, – но молодость всё компенсирует. Именно молодость. Со временем ты станешь обычной биомассой, и мужчины потеряют к тебе интерес.

Возмущенная до глубины души, я обернулась, чтобы ответить как можно резче, но Рубинов примирительно рассмеялся:

– Ну, извини, извини... Просто пошутил.

– На такие шуточки можно и ответить! И тебе вряд ли понравился бы мой ответ.

– С зубками, мне нравится. Хотя бы это отличает тебя от всех остальных.

Решив с ним больше не разговаривать, я продолжала оде-

ваться, кипя от злости. Обернуться меня снова заставил Рубинов, вернее, его обращение ко мне:

– Эй! Да посмотри ты на меня, наконец! Тебе денег дать?

В этот раз он не смеялся. Мне вдруг показалось, что он ударил меня под дых. Денег?! Никогда, ни разу в своей жизни я не испытывала подобное унижение! Да за кого он меня принимает, старый козёл? За обычную проститутку? Неужели это я сама так поставила себя, что столь мерзко разрешила обращаться к себе?

– Да пошёл ты... – процедила я сквозь зубы, твёрдо решив, что с меня хватит.

Его хамство потрясло меня до глубины души. В праведном негодовании я уже собралась выйти вон и навсегда забыть про эту волшебную ночь и утреннее прозаическое унижение, как вдруг Рубинов с необычной ловкостью для человека его комплекции, резко вскочил с кровати и крепко схватил меня за руку. Затем резко развернул к себе и сказал:

– Ну?

Я вырвалась, не понимая, что он от меня хочет. Похоже, моя сестра права, и Рубинов действительно был придурком. Как жаль...

– Адрес давай! Фамилию, телефон, и так далее.

– Это ещё зачем?

– Обычно таких соплюшек я забываю через час, но ты довольно забавная. Мне не хотелось бы тебя потерять. – И добавил даже каким-то виноватым тоном: – Сам не ожидал, что

мне будет так хорошо с тобой.

На это мне абсолютно нечего было возразить, и, полностью обалдев, я продиктовала ему адрес, телефон сестры, свой мобильный, и даже свой домашний телефон и адрес. Зачем-то наплела про Фэйсбук. Конечно же, поделилась и остатками своей биографии – за исключением жениха: мне почему-то казалось, что Рубинову не понравится моё поведение с ним, если я скажу правду. Не знаю, почему, но я чувствовала именно так. Моя будущая профессия очень ему понравилась.

– Слава Богу, что ты занимаешься нормальным делом, а не лезешь в эти актриски, модельки и прочую нечисть. Прямо камень с души! Я уж подумал было, что ты хочешь меня как-то использовать. А как может использовать детский врач? Ну вот серьёзно – ты же не можешь мне никак повредить, правда?

– Могу, – не выдержала я, – могу поставить тебе клизму. Если у тебя будет продолжаться словесный понос.

– Нет, я в тебе не ошибся, – Рубинов удовлетворённо кивнул головой, – ты нечто. А нечто – это очень даже хорошо.

Никогда, ни разу в жизни ни один мужчина не говорил мне, что я – нечто. Но для меня это был самый лучший и удивительный комплимент!

– Сейчас приму душ и отвезу тебя на машине, – сказал Рубинов.

– Нет. Доберусь на такси.

Мне совершенно не хотелось, чтобы сестра увидела, как я выползаю из машины Рубинова. Тем более что я так и не придумала, что ей соврать.

– Тогда я закажу тебе такси, – сказал Рубинов, – и, конечно, за него заплачу. Ты даже не представляешь себе, маленькая дурочка, сколько стоит добраться до квартиры твоей сестры на такси по московским ценам.

Рубинов ошибался – я догадывалась и поэтому не стала возражать.

Такси приехало очень быстро. Рубинов проводил меня к выходу и дал деньги таксисту. Когда машина отъехала, Рубинов все ещё стоял на пороге подъезда и смотрел мне вслед.

Сестра в панике бегала по квартире, и, как только я вошла, едва не разорвала меня на части.

– Идиотка, ты с ума сошла?! Где ты всю ночь шлялась? Это вот такие сюрпризы ты мне собралась устраивать? Я тут на ушах стою, чуть всю полицию на ноги не подняла, а она является утром, как ни в чём не бывало! Ты хоть на звонок могла ответить по мобильнику, деревня проклятая? Ты умеешь пользоваться мобильником?

Я умела, поэтому и отключила звук. Но я ничего не собиралась объяснять сестре. Поэтому сделала самое умиротворяющее выражение лица.

– Солнце моё, не сердись, умоляю! Тут такое дело... Словом, загуляла немного. Да ты не волнуйся, ведь всё хорошо! Глаза сестры округлились, она стала соображать, что луч-

ше – ворчать или интересоваться. Мне был отчётливо виден весь поток её мыслей. В конце концов, извечное женское любопытство взяло вверх.

– Он кто?

– Да так, ты его не знаешь... Познакомилась по дороге из клуба. Это несерьёзно. Всего одна ночь. Ну, бывает иногда, ты же знаешь. Просто как помутилось что-то... А теперь всё в прошлом. Я уже и забыла. Ты только смотри, никому не говори.

О женской интуиции недаром слагают легенды. Они оправданы. Не знаю, как она догадалась, может, что-то отразилось на моём лице, промелькнуло в глазах... Не знаю. Я старалась вести себя, как обычно, но дело в том, что я уже не была прежней, обычной. И это факт.

Сестра долго ходила кругами вокруг, косилась достаточно подозрительно. Хитрые проблески мыслей о чем-то очень нехорошем постоянно мелькали в её глазах. Сестра подозрительно посмотрела на меня, затем спросила для меня совершенно неожиданно:

– Ты что, спуталась с Рубиновым?

Я растерялась. Наверное, этим и выдала себя, хотя готова была всё отрицать.

– О чём ты говоришь? Кто такой Рубинов?

– Да ты ещё хуже, чем я о тебе думала. Ты просто из ума выжила, идиотка! И какого чёрта ты только припёрлась в Москву! Если ты рассчитываешь на что-то серьёзное, мо-

жешь расслабиться. Готова спорить на что угодно, что он даже имени твоего не запомнил. И уже через двадцать минут после того, как ты ушла, тебя забыл.

– Как забыл тебя? – не выдержала я.

– Ну, ты себя со мной не путай! Кто ты такая, а кто я! Ты просто пустое место, дурацкая провинциальная девчонка, которая припёрлась сюда в поисках приключений. Такие женщины, как ты, ничего не стоят. Ни один здравомыслящий человек не заинтересуется всерьёз такой, как ты. Тем более, такой избалованный эстет как Рубинов. Ему нужна совершенно другая женщина. Если хочешь знать, это я его бросила. Я перестала ему звонить, перестала отвечать на звонки. Да стоит мне только поманить его пальцем, и он бросится ко мне со всех ног! Так что ты меня с собой не ровняй! Это совершенно другое. К тому же, у меня есть мозги. Я прекрасно понимаю, что к чему, в отличие от тебя. Ты же просто полуграмотная деревенская дурочка, ты даже не понимаешь, что сделала, если ты действительно спуталась с Рубиновым. Выставила себя посмешищем. Спорю на что угодно: он если и вспомнит тебя, то только со смехом.

Сестра продолжала говорить ещё долго и всё в том же духе. Я поняла, что разрыв с Рубиновым – её больное место. И я попала как раз по нему – кувалдой по этому больному месту. Так же я поняла, что у меня больше нет сестры.

Чтобы её успокоить, я поклялась всем, чем угодно, что мой ночной незнакомец не имеет ничего общего с Филиппом

Рубиновым, что это совершенно другой человек. Кажется, она мне поверила. Я думаю так потому, что, в конце концов, она успокоилась, и даже отправилась на кухню готовить мне завтрак. Возможно, ей действительно поверилось в то, что на такую, как я, Филипп Рубинов даже не посмотрит. Недаром говорят, что женщина может поверить во всё, что угодно. Главное только её правильно заставить поверить.

Я же сидела в кресле, свернувшись калачиком, и с грехом пополам сдерживала слёзы. И на душе было так тошно, что не хотелось никаких завтраков – точно так же, как больше не хотелось ни Рубинова, ни Москвы.

– Слушай, а что ты думаешь делать со своим женихом? – спросила сестра, вернувшись в комнату с тарелками и чашками, в которых плескалось кофе.

– Ничего, – удивилась я, – а что я должна делать с ним?

– Надеюсь, ты не собираешься ему всё рассказать?

– Я что, больная на голову? Конечно, нет, – сказала я, – зачем? Мало ли что может быть в жизни. Тем более, это было просто так, эпизод, всего одна ночь. С этим, ночным, я даже встречаться не собираюсь. А с моим женихом собираюсь прожить всю жизнь. Так зачем же мне что-то говорить?

– Правильно! Очень даже правильно, – моя сестра была настроена философски, – сколько хороших союзов распалось из-за такой глупости, как лишняя откровенность. Так что главное в жизни – правильно промолчать.

– Если, конечно, кто-то другой ему не скажет... – Я при-

стально посмотрела на неё.

– Я?! – Сестра даже всплеснула руками от возмущения. – Да я могила! За кого ты меня принимаешь! Ни за что!

Я ей поверила. Если бы она по-прежнему думала, что я переспала с Рубиновым, она бы прямо сейчас потянулась к телефону. И, несмотря на то, что не знает номера моего жениха, всё равно бы нашла. Но она искренне поверила в то, что это был не Рубинов. А раз так, я чувствовала, что теперь её болтовня мне не грозит.

Я могла спокойно делать вид, что всё хорошо. А может, так всё действительно было хорошо на самом деле? Нет, не было. Я могла притворяться, что всё хорошо, но это было не так. Я без аппетита ела приготовленный завтрак – мне казалось, что я жую бумагу, и делала вид, что по-прежнему дружески болтаю с сестрой. На самом деле я возненавидела её, теперь уже свою несестру. И сквозь эту беспечную дружескую болтовню – ну точно две змеи в банке – с трудом сдерживала слёзы.

До моего отъезда оставалось два дня. Филипп Рубинов мне не позвонил. Я провела эти два дня в обнимку с мобильником, и ещё так, как всегда проводят в чужих городах. В тот день, чтобы немного прийти в себя после размолвки, я позвонила маме, и успокоилась, услышав её голос. Но снова расстроилась, тут же представив, что она сказала бы мне, узнай всю правду.

Все эти два дня шёл снег. Белая Москва стала мне невы-

носимой. И от молчавшего телефона вернее, он постоянно звонил, но это были совсем не те звонки) меня захлестнула безнадежная тоска. Серый призрак этой тоски впервые появился в моей душе именно в эти холодные, снежные московские дни. И с тех пор больше не отпускал меня уже никогда.

Самым смешным было то, что я не знала номер телефона Рубинова – он мне его не давал, а самой было как-то неудобно спросить. Конечно, дурацкая ситуация... В приступе самой острой тоски я решила бы позвонить ему сама, но... Но не знала его номер. Может, спросить у сестры?.. Очень смешно!

Мне оставалось только разжевать свои раны воспоминаниями о прошлом. Я усаживалась в какой-нибудь укромный уголок и тихо, внутри, вела разговоры сама с собой. «А что ты хотела, дура безмозглая? Какая, собственно, глупость. Дурой была – дурой и помрешь. Он забыл тебя через два часа после твоего ухода. Да ладно, хватит врать самой себе – через час. А что ещё можно ждать? И потом – ты его не любишь. А если я его не люблю, то когда любишь – это как? Сложная мысль! Как? А так! Не так, как сейчас. Это не любовь. А что? Понятия не имею. Если бы я ещё знала, как это назвать, то писала бы любовные романы и зарабатывала миллионы... Какие миллионы, дура безмозглая? Ты выпутайся сначала из того, во что влипла!

А во что, собственно, влипла? Никто ничего не узнает. У

тебя будет чудный муж, который пылинки станет с тебя сдувать. И жизнь, которую нельзя назвать жизнью. И, наверное, больше не будет ни одной истории любви. Так часто бывает. Все так живут. Не со всеми остаёшься, и не навсегда. У многих в жизни и того не было. Так что будет на старости, о чём вспомнить. На старости? К тебе она придёт после свадьбы. На следующее же утро, завершив брачную ночь. Это будет твой приз за спокойную уютную жизнь. За то, что однажды...».

Дальше философские глубины заканчивались, и начиналась боль. А я была не такой мазохисткой, чтобы причинять самой себе боль, поэтому на такой средне-оптимистической ноте все мои внутренние разговоры прекращались. Но уже через час начинались снова. И с какой-то несусветной, никчёмной тоской я вдруг поняла, что теперь так будет всегда.

Как раз накануне моего отъезда я осталась в квартире сестры одна. Я не знала даже, вернётся ли она ночевать. В последние часы отношения наши испортились до предела, и мы с трудом выносили присутствие друг друга. Это, в принципе, было понятно. Наверное, я бы реагировала точно так же на её месте. Особенно, если она любила Рубинова. Любила, наверное. Разве можно было не влюбиться в него?

Я аккуратно сложила вещи, упаковала свою сумку. Приняла ванну. Нашла какую-то засохшую печеньку, сделала себе чай. Включила телевизор. Стандартный набор одинокого скучающего существа в чужом городе. Самолёт вылетал в 11

утра, но уже в 8 я собиралась уехать из этой квартиры. Мне легче было подождать в аэропорту, чем здесь.

Зазвонил мобильник – это была сестра. Злым тоном она сообщила, что ни сегодня, ни завтра в квартиру не вернётся, и попросила позвонить в квартиру консьержки на первом этаже и оставить ключи ей. Она разговаривала со мной, как с тупой. Я сухо пообещала, что с ключами всё будет в порядке. Мы попрощались по телефону, как два чужих, посторонних человека. Я поняла, что больше мы не увидимся с ней в этой жизни никогда.

Снова зазвонил мобильник, я взбесилась. Какого чёрта, я же всё поняла с ключами!

– Я же сказала, что оставлю ключи, – заорала я в телефон, – что ещё?

– Привет, – густой мужской голос, вкрадчиво прозвучавший в телефоне, мгновенно оглушил меня, выбил почву из-под ног, – скучаешь?

– Извини... Я думала, это моя сестра... – У меня даже руки вспотели, а сердце колотилось, как отбойный молоток. По идее, можно было прикинуться, что я не узнала голос... Но я как-то растерялась.

– Понятно, – Рубинов хмыкнул, – я заеду за тобой через час. И мы куда-то пойдём. Надень приличное платье. И сестре скажи, пусть не волнуется, вернёшься утром. У тебя есть приличное платье?

– Ты не спросил адрес, куда ехать.

– А я его знаю, – и нажал отбой.

Быстро-быстро, пользуясь тем, что меня никто не видит, я поцеловала телефон. Я дрожала, как осиновый лист на ветру, меня бросало то в жар, то в холод. И, чувствуя себя на какой-то странной Голгофе (вроде как я себя убиваю, почему же испытываю такой восторг?), бросилась рыться в сумке, в поисках платья, которое, как назло, уложила на самое дно.

Он подъехал к дому ровно через час. Я закрыла ключами дверь и села в его машину. Моё платье ему не понравилось. Он выразительно покривился, покачал головой.

– Завтра утром поедem по приличным магазинам. Я больше не допущу, чтобы ты ходила в подобных тряпках.

– Нет.

– Почему нет? Станешь в позу – мол, не из-за тряпок я с тобой сплю?

– Нет. Просто завтра я уезжаю.

– Велика трагедия! Так удержишься. Когда захочешь вернуться, я сам куплю тебе билет.

– Насколько ты хочешь, чтобы я задержалась?

– Ну... – Вопрос явно застал его врасплох. Действительно, прозвучало как в дешёвой мелодраме: мол, на день – и до конца жизни. Но мелодрам он не понимал. – На неделю, допустим.

– Нет.

– С чего это вдруг?

– Много причин. У меня заканчиваются каникулы, и я

должна вернуться в институт. Это не входит в мои планы. Мама будет волноваться. Достаточно? Выбирай!

– Я не понимаю... Ты что, серьёзно?

– Разве не видно? Я так понимаю, ты ждал, что я упаду в обморок, а, очнувшись, сломаю от хлопков ладоши? Но я тоже живой человек, и у меня есть свои дела. Кроме того, я не хочу, чтобы ты покупал мне платья. Мне от тебя ничего не нужно. Я была с тобой не ради денег или каких-то вещей. Если бы ты был нищим, не признанным художником и жил в какой-то конуре, подвале возле вокзала, я бы всё равно была с тобой. Я даже знать не хочу, сколько у тебя денег. Мне нет до этого никакого дела. И свои платья я всегда буду покупать себе сама.

– Все так говорят, а потом...

– Понимаю, у тебя большой опыт. Но я – не все.

Он замолчал, только странно покосился в мою сторону. Нет, он не потерял дар речи, и мои слова не выбили его из колеи. Просто он решил, что достаточно со мной разговаривать, и сосредоточил своё внимание на дороге. Теперь я понимаю, что все мои слова были детскими, наивными словами маленькой дурочки, не знающей ничего об окружающей жизни. Но я это поняла только теперь.

Тогда же я решила, что мне удалось хоть как-то его обескуражить. И даже надулась гордостью, как индейский петух. Я ещё не знала то, что знал он: женщины, которые с порога заявляют, что им от мужчины ничего не нужно, наносят са-

мые страшные раны в жизни. Им действительно не нужны тряпки. Они уносят с собой всё остальное – сердце, душу, воспоминания, любовь, будущее, мечты. Я ещё не знала сама, что сама стану такой. И научусь наносить такие болезненные раны не только ему, но и себе.

Тогда же мне хотелось поразить его, выделиться от всех остальных, дать понять, что я абсолютно другая женщина, не из тех, что окружали его на протяжении всей предшествующей жизни. Возможно, мне это удалось. По крайней мере, в глазах его, похожих на огромное, безбрежное море, зажглись какие-то огоньки, похожие на отдалённое мелькание маяка. И эти огоньки для меня были дороже сияния всех мировых бриллиантов. Потому, что их зажгла я.

Мы поехали в итальянский ресторан. Но вечер оказался чем-то испорчен. Я даже не помню, что я ела – все казалось совершенно безвкусным, словно бумага хрустела на зубах. Я не видела ни еды, ни окружающей обстановки, ничего абсолютно, кроме странного блеска в его глазах, с которым, стоило мне немного отвести взгляд, он изучал моё лицо. И изучение это, надо признать, не всегда было доброжелательным.

Что произошло, я поняла только к концу ночи. Ночь тоже прошла обычно, мне не запомнилось совсем ничего. Только очень короткое, какое-то сытое удовлетворение – Рубинов действительно был великолепный любовник. А потом – возникшая на месте экстаза пустота. Я поняла, почему ночь прошла плохо, так же, как вечер в итальянском ресторане.

Рубинов не привык терпеть отказ. Я читала это в его лице. Отказ ставил его в тупик, заставлял сомневаться в своих силах. Рубинов был абсолютным, классическим примером человека, которому никогда не отказывали. И если он велел остаться на неделю, я, по его единственному возможному мнению, должна была запрыгать от восторга и немедленно выполнить. То, что я отказалась, он не понимал, и никак не принимал. И это ставило его в тупик, как других людей, к примеру, ставит в тупик что-то необычное, сверхъестественное. Особенно неприятным для Рубинова было то, что он столкнулся с такой тяжёлой непоняткой от женщины. Рубинов не любил, не понимал и не уважал женщин.

Он пользовался женщинами исключительно как вещами, для удовлетворения физиологических потребностей, так же, как пользовался душем и унитазом. Но не признавал за ними право на собственное выражение других, отличных от его собственных, мыслей. Его слишком избаловало то количество женщин, которые падали в постель только от одного его вида, и то количество людей, беспрестанно, бесконечно, суетливо и вечно поющих ему дифирамбы, так, словно он был не человек из плоти и крови, а минимум полубог.

Если бы я согласилась, я бы мгновенно превратилась в одну из множества бывших у него женщин. И для него это было бы понятно и спокойно. Но я почему-то оказалась другой, и это раздражало его, как нарыв на заднице. Не нравилось, а именно раздражало, и справиться с раздражением он не мог.

Всё это я поняла в тот момент, когда серые струи рассвета ударили в раскрытые окна его студии, заставив меня сесть в кровати, прислушиваясь к дыханию спящего рядом со мной Рубинова, что настраивало на глубинный философский лад.

Распрощались мы холодно. Он снова заказал мне такси, и снова заплатил таксисту, а потом безразлично чмокнул в щёчку, но пообещав ни звонить, ни писать, ничего, что обычно говорят друг другу люди, хоть немного перешагнувшие грань равнодушных обыденных отношений. И не дожидаясь того момента, когда такси отъедет от дома, скрылся в парадной, даже не подумав махнуть мне рукой.

В аэропорту я заплакала. Мои слёзы никто не видел. Может быть, их даже не было, мне только показалось, что я плачу, или же слёзы текли изнутри по щекам, если такое может хоть как-то происходить. Отвернувшись к иллюминатору (моё место оказалось с ним рядом), я застыла на несколько секунд, сражаясь с этой невидимой болью. А потом так же быстро, как на меня это нахлынуло, всё прошло, и я даже сказала самой себе: всё прошло.

И действительно: Рубинов, Москва, разрыв отношений с двоюродной сестрой – всё это превращалось в крошечные огоньки телевышек, еле-еле различимые на огромной земле, похожей на бесконечное одеяло из лоскутков, каждый из которых был намного больше по размеру, чем моя крошечная, почти воробьиная жизнь. Но ни один из этих лоскутков, конечно же, не давал мне ответа, люблю ли я Рубинова или нет.

И если не люблю, то что тогда такое любовь?

Мы были слишком не равными, и нашу неравность подчеркивала даже не 26-летняя разница в возрасте 20 и 46 – что тут сказать?). Всё дело заключалось в том, что Филипп Рубинов был великим художником. Он действительно был великим художником. Я же была никто. Никто, и звать никак. И точно такое же «ничего» ожидалось в моём будущем. И всё это был самый неприятный, реальный, но факт.

Но в то же время какая-то часть меня, какая-то крошечная частичка, которой я не могла подобрать ни определения, ни названия, нашёптывала, что я всё-таки необходима Рубинову. Есть во мне что-то, что необходимо ему. Что именно? Почему? Я не знала. И дело было совсем не в том, что я любила бы его и безвестным, и нищим, и больным. Любила... Время от времени я всё-таки произносила про себя проклятое слово. Мне было не избавиться от этого словесного паразита, даже если из последних сил я запрещала себе так говорить.

Перед моими глазами всё время стояла его картина, увиденная в мастерской. Он был одинок. Я тоже. И, наверное, только мы двое, мы с ним могли это понять.

Через два часа этого выматывающего душу полёта я приземлилась в прошлой жизни. Родители встречали меня в аэропорту. И по дороге, в машине, мама спросила, пригласит ли меня сестра ещё в Москву. Я сделала ангельское выражение лица, закатила глазки и честно сказала: «Не думаю». Это

были мои самые честные слова с того момента, как приземлился самолёт.

Через три дня я сидела в кафе с моей лучшей подругой. Подруга ковыряла вилкой салат и злилась от голода. Я плевала на всех и поедала горячий бутерброд. То, что я ела, раздражало её невероятно. В конце концов, подруга не выдержала:

– Что там с тобою произошло, в этой Москве? Ты вернулась оттуда совершенно другая! Всё время ходишь подвоянная. И такая смутная, что хоть тучи с тебя сгоняй. У тебя неприятности? Со своим поссорилась?

– Конечно, нет. Как можно поссориться через два океана?

– Тогда с предками поругалась?

– Нет. У меня золотые родители, ты же знаешь.

– Тогда что?

– Жизнь. Просто жизнь. Полная всяких несуразностей.

Вот скажи, мы с тобой правильно живём?

– Поясни, придурочная! Ты что, без меня напилась?

– Нет, просто философствую.

– А конкретней?

– У моей сестры, кажется, новый роман. То есть был новый роман. Она влюбилась, а он её бросил. Вот скажи: ты могла бы быть счастливой с мужчиной, который старше тебя на двадцать шесть лет?

– Без проблем! Тоже мне вопрос. Но только с одним условием: если бы он был миллионером, а не нищим зарплатни-

ком. Тогда, в случае нищего зарплатника, который вообще в таком возрасте скоро станет импотентом, это не жизнь и не счастье, а каторга. Старый мужчина обязан быть богатым. Только в этом случае можно простить и возраст, и то, что он уже не очень в постели. Если же старый мужчина бедный, нужно бежать к психиатру.

– Ты жуткая материалистка!

– Дурочка, я реалистка! Слишком хорошо знаю жизнь. Богатого терпеть можно. От бедного старика волком взвоешь. Я знаю – насмотрелась на некоторых. Вот моя соседка по лестничной клетке. Любовь, любовь, а у него инсульт. И денег ни хрена. Уже три кредита взяла в банке. А он, старый пердун, ни хрена заработать не может, только лекарства жрёт пачками. Да на молоденьких во дворе засматривается, ...йло старое! Вот тебе и любовь. Нет, берёшь старого пердуна – так исключительно за бабки. Будет хоть на что инсульт вылечить!

Мы расхохотались. Я обожала мою подругу за приземлённый юмор и неистребимое чувство реализма. То самое чувство реализма, которого не хватало мне.

– А всё-таки... – Я была решительно настроена на философский лад. – А если большая любовь? Ну вот если мужчина старше на двадцать шесть лет, и вдруг – огромная, настоящая, да просто большая любовь?

– Ты это какую любовь имеешь в виду – когда у него куча детей, жена старая, постаревшая от родов, да от дурацких

его выходок, а он вдруг начинает кобелиться и лезет к молодой девке, как будто изо рта не воняет и седины в башке нет? Так я тебе скажу, что девка молодая, которая такую сволочь от старой жены отошьёт, до конца жизни проклята будет, в жизни ни одного счастливого дня видеть не будет, всё залиют слёзы жены. Ты имеешь в виду такую любовь?

– Да ну тебя! – Я даже рассердилась. – Нет, конечно! Что я, сама не понимаю? Я имею в виду, когда всё по-честному. Ни от какой жены с кучей детей никто никого не отбил и не ушёл. Когда он вообще не женат. Не был, к примеру.

– Не был женат в таком возрасте? Да это либо псих, либо голубой! Может, он на учёте в психушке стоит, скрытый шизофреник? Или такой подарочек, от которого через пару месяцев на четвереньках улепётывать будешь...

– Нет, с тобой невозможно разговаривать серьёзно!

– Да ты что! Я же абсолютно серьёзно говорю! Как профессор.

– Короче, отвечай: ты могла бы выйти замуж за человека, который старше тебя на 26 лет, с очень скверным характером и не миллионера?

– Я что, по-твоему, больная на голову?

– А за миллионера?

– За две секунды! Где?

– Что где?

– Где старый миллионер?

– Да иди ты!.. – Мне снова захотелось смеяться, но подру-

гу сложно было сбить с толку.

– У тебя что, кто-то появился на примете? Новый, в смысле?

– Ты что, конечно нет! Мне-то зачем? Я просто спрашиваю.

– Просто не бывает! Колись, подруга.

– Не в чем колотья, правда.

– Тогда выбей из своей башки такую дурь! Отдавать себя даром старику – все равно что вешать себе хомут на шею. Жить нормально не сможешь, остается только повеситься. Да и то, с хомутом на шее неудобно будет. Так что не вздумай делать глупости!

– При чём тут я?

– Ой, не ври, зараза! Я же вижу – после приезда ты совершенно изменилась. Что-то тебя мучает. Тяжело мучает. И я очень надеюсь, что не вздорный старик с нищенской зарплатой.

– Тебе показалось. Всё хорошо.

Но это не было правдой. Я уже пять раз отказалась от вечеринок в модных ночных клубах, и два раза не перезвонила своему жениху. А потом отправила ему письмо по электронной почте: «Извини, мое отношение к тебе изменилось. Я уже не могу быть прежней. Между нами всё закончено. Пожалуйста, оставь меня в покое. Я не выйду за тебя замуж. Я не хочу тебя больше видеть. Прости».

Прошла зима. Снег, покрывающий белым полотном ин-

ститутский двор, размылся и стал грязным. В аудиториях потеплело. Сквозняки, ледяные зимой, стали свежей и уже несли в себе ароматы расцветающей природы. На деревьях появились первые почки. На каждом углу продавали подснежники. Весна принесла что-то своё всем, кроме меня. Я и не знала, что наступила весна.

Мне было не до подснежников, не до весны. За всё время после моего возвращения из Москвы не было никаких звонков: ни от моего жениха, ни от Филиппа Рубинова.

Однажды на институтском углу я купила у старушки тоненький, чахлый букетик подснежников. Прижалась лицом к тонким хрупким лепесткам, вдыхая нежный, едва уловимый запах. Моя душа таяла, как этот запах, существующий буквально несколько секунд. Прохладные на ощупь лепестки цветков обволакивали меня теплом. Я прижала лепестки к лицу и заплакала. Я плакала не о цветах, даже не о себе. Я плакала о том потерянном времени, о тех ушедших навсегда днях, в которые я не знала, что на свете существует такой человек как Филипп Рубинов. Ещё о том, что в том январе самолёт, не задержавшись даже на 10 минут, вылетел в Москву.

Я плакала о потерянной нежности и о том, что со мной так и не случилось великой любви, которой я утешала себя всё это время. Я мечтала об изменениях в жизни, но ничего не произошло.

Не правда. Произошло. Изменения были к худшему. Те-

перь я тосковала не только по Филиппу Рубинову. Я тосковала по своему жениху. По моему уютному, спокойному, не задающему лишних вопросов мужчине, который с такой легкостью постарался меня забыть.

Родители не восприняли мой разрыв с женихом всерьез. Папа только махнул рукой – мол, как поссорились, так и помиритесь, не велика беда. А мама начала философствовать: что-то о том, что никогда не ссорятся только безразличные друг к другу люди, что ссоры – первый признак любви, и ещё о том, что поссориться до свадьбы совершенно нормально, после свадьбы не придётся умирать от скуки. Создавалось ощущение, что я нахожусь в каком-то абсолютном вакууме, в котором была огорожена от окружающих не пропускающим звуки стеклом – меня никто не слышал, мои чувства не замечал.

Они пытались утешить меня, обязательно обещая быстрое примирение, а мне хотелось кричать, бить посуду, рвать на себе волосы... Впрочем, даже при таком поведении меня вряд ли бы кто-то услышал. Скорей всего, они просто отвезли бы меня к дорогому врачу.

Конечно, я ни за что не могла рассказать им о Филиппе Рубинове. Родители мои всё-таки были людьми другого поколения. К тому же, для них я всё ещё оставалась маленькой девочкой с розовыми бантиками и белыми гольфиками, которой самое лучшее утешение мог подарить стаканчик мороженого и любимый плюшевый мишка. К сожалению, поз-

же жизнь подтвердила мои мысли, возникшие уже тогда. С родителями не всегда можно поделиться своими любовными, а тем более сексуальными горестями. Для большинства родителей ты и в сорок остаешься грудным младенцем. Конечно, есть исключения из правил. Счастье, если это так.

Я затосковала сразу же, как только вернулась из Москвы. Я тосковала о глазах Филиппа Рубинова, о его горячих руках на своём теле. Я тосковала о том, как он смотрел на меня, а, главное, о том, как смотрела на него я. Мне очень не хватало этого человека.

Однажды, это случилось к концу зимы, в феврале, когда особенно острыми были признаки моей тоски, пожирающей, как людоед, не только мой мозг, но и мое сердце, я решила ему позвонить. Сама. И будь что будет! Храбрая, и жутко довольная собой, я набрала его номер. Телефон был поставлен на голосовую почту – на англоязычную голосовую почту. Я плохо знала английский, и потому не поняла, что именно мне было сообщено. Скорей всего, что российский оператор сейчас не действителен. Я поняла, что Филипп Рубинова вернулся в Калифорнию. И в Америке у него совершенно другой мобильный телефон. Его американский номер телефона я не знала. Мой звонок так и остался без ответа. Он мне не перезвонил.

Потом я нашла его страничку на Фэйсбуке. Послала запрос добавиться в друзья. Подтверждение получила почти сразу – Рубинов подтвердил, что мы являемся друзьями на

Фэйсбуке. От автоматического текста этого подтверждения я чуть не разрыдалась. Его страничка выглядела слишком официально – только информация о выставках, фрагменты творческой биографии, немного о работах в кино. Никаких личных фотографий, к примеру, в домашних условиях. Никаких личных постов. Я поняла, что страничку в Фэйсбуке ведет не он, скорей всего, кто-то из его менеджеров. Так делают многие знаменитости. Сами они не занимаются такими вещами. Чаще всего страницы в социальных сетях ведёт их сотрудник. Сами же они часто даже не заглядывают туда.

Потом пришло время прописных истин. Почти каждый день я твердила эти истины, заученные давно, такие избытые, что мне казалось – их говорит кто-то другой, за меня. Не удивительно, что перед этими прописными истинами двери моего сознания захлопывались автоматически. Автоматически, как московское метро.

Без усилия. Без стандартов. Хлопок – вход закрыт. Прописные истины создавались веками. Но среди них не было только одной – о том, что я не могла без него жить. Я ни за что бы не призналась лично Филиппу Рубинову, что так сложилась моя судьба. Мы провели всего две ночи. Всего два раза мы были вместе. И после этого я не могу без него жить. Он не поверил бы в эту дурь. Ни за что. Так же, наверное, как не поверили бы очень многие, если бы я всё-таки решилась рассказать.

Но я ничего никому не рассказывала. Никогда. Как парти-

зан в подполье. Это была только моя боль. Моя личная боль. И я не могла без него жить. Весна стала тёмной бесконечной ночью. Мне хотелось найти выход. Но я прекрасно понимала, что выхода нет.

Я прокручивала в уме каждый разговор с ним сотни, тысячи раз. И постоянно изобретала таблетки, уничтожающие память. Я мечтала о полной амнезии как мечтают о божьем даре. Воспоминания причиняли мне мучительную боль. Но я не могла уже без них обойтись, как не может наркоман обойтись без своей ежедневной дозы. Эта истина убивала меня, как убивает выстрел. Мне хотелось забыть. Но никто не научил меня забывать.

Ещё там, в Москве, я поняла, что уже не смогу жить так, как раньше. Это понимание было пророческим. Как-то так само произошло, но я полностью изменила свой образ жизни. Закончились парни, гулянки и друзья. Я не ходила в клубы и на дискотеки. Я ни с кем не встречалась. Вечера я проводила за компьютером в своей комнате. Смотрела фильмы по Интернету, играла в игры мне нравились исключительно стратегии, квесты). Или болтала с подругой в чате Фэйсбука, ничуть не смущаясь тем фактом, что уже утром мы вместе будем сидеть на лекциях. Другого времяпрепровождения у меня не было.

Я стала антиобщественным существом. Я не отвечала на звонки парней, которые, прослышав о моей размолвке с женихом, пытались куда-то меня пригласить. Мне казалось, что

я забила в какой-то глухой угол жизни. И я словно не живу, а сижу на подоконнике и смотрю в окно.

Я бесконечно смотрела в стекло, которое не доносило до меня ни одного звука. Мысли заплетались, а губы произносили только одно имя. Только одно... Это было имя всей моей дальнейшей судьбы. Я надеялась на него. Я не могла не надеяться. Мне так хотелось его тепла, даже если на самом деле никакого тепла от него нет. Что бы я себе не выдумала – всё это было похоже на правду. Я понимала, что Филипп Рубинов может быть разным. И надеялась, что один из этих Филиппом Рубиновых когда-нибудь вспомнит обо мне.

Но, конечно, никто не вспоминал. Постепенно это стало совершенно ясным. Тогда моя душа попала в ледяной омут отчаяния, состоящего исключительно из не реализованных надежд и придуманных иллюзий. Душе хотелось, чтобы её любили, а вместо этого её собирались утопить.

Человек не может жить без любви. Жизнь так устроена, что люди – общественные животные. Постепенно моё оцепенение стало проходить. Я как будто высунулась из своего угла жизни, как будто приоткрыла окно, и вдруг поняла, что за этим толстым стеклом отчаяния и одиночества всё же существует жизнь.

Мне вдруг страшно, истерически, до какого-то безумия захотелось, чтобы меня любили. Не обязательно взаимно. Главное, чтобы был кто-то, с кем можно показаться в знакомой компании, кто будет шептать красивые слова... В такие

моменты можно выдумать любовь. И обычно выдумываешь, обманывая всех, с блеском в глазах и пустотою в душе.

Мне не надо было выдумывать. В один из таких вечеров, когда полностью омертвела душа и не осталось сил ни на что, я позвонила своему жениху. Этому способствовало ещё одно тайное обстоятельство: мое самолюбие не могло допустить, что меня так легко бросили. Что от меня отказались вот так, просто, даже не сделав попытки побороться за меня, меня вернуть.

Если бы я была немного более опытной, если бы за моими плечами был груз прожитых воспоминаний и женского возраста, я бы, наверное, поняла, что человек, который отказывается от тебя так легко, не стоит борьбы. Не следует звонить тому, кто тебе не звонит. Это закон жизни. Как правило, такое насильственное напоминание не принесёт ничего хорошего. Если от тебя с лёгкостью отказываются, зачем нужен такой сомневающийся, трусливый, не любящий тебя человек? Я поняла бы это, если бы была более опытной. Но никакого опыта у меня не было. Не было рядом и человека, способного всё это подсказать. Конечно же, мой звонок брошенному жениху был ошибкой. Но я поняла это только через множество лет.

А тогда – тогда мне было плохо до такой степени, что я уже не понимала, что делаю. Мы договорились встретиться в кафе. Он пришёл с цветами, сказал, что понимает моё состояние: наверняка я нервничаю из-за поспешности свадьбы. Он

и сам думал, что мы сильно спешим. Бла-бла-бла... Слово за слово... Мы помирились. Только спустя множество лет я поняла, что все слова, звучавшие тогда, и подтолкнувшие меня к этому примирению, были просто бла-бла-бла...

Я опять стала с ним спать. Родители были счастливы, видя, что грозовые облака исчезли с нашего горизонта. Единственное, чего мне удалось добиться этим примирением – я добилась небольшой отсрочки свадьбы. Мы решили отложить свадьбу хотя бы на год. Оба набора предков аплодировали стоя в твёрдой уверенности, что в этот раз мы решили правильно. Я же вообще не была уверена, что выйду за него замуж. Мне почему-то показалось, что свадьбы не будет никогда.

Боль немного отлегла, и всё вернулось на круги своя. Я стала сомневаться в своей душе и в своём прошлом. Однажды я всерьёз задумалась о том, а вдруг я ошибаюсь, и он действительно и есть моя судьба? Может, он принц, любимый, родной, и т. д., и т. п.? И неважно, что он привычный, знакомый, скучный и тошнотворный, как старые разношенные тапочки. Может, любовь и должна быть именно такой?

А если так, если любовь должна быть спокойной и уютной, как плед, как диван, тогда что мешает мне быть счастливой? В конце концов, миллионы людей живут именно так, примирившись со своей второй половинкой как с тапочками, как с диваном. Может, дикие страсти и оргазмы как раз и не нужны, они только отравляют жизнь своим сокрушительным

привкусом горечи, которая остается пепелищем, когда полностью прогорает пожар? Этого я не знала. Более того: этого никто не знал. Даже Филипп Рубинов, который добавил меня в друзья на Фэйсбуке. Такая знаменитость! Обалдеть!

По всем понятиям я обязательно должна была быть счастливой. Но такой я себя не чувствовала. Хуже того: я совершенно не ощущала никакого счастья. Я по-прежнему забивалась в угол жизни и произносила одно имя. Только одно. Не принадлежащее моему жениху.

Впрочем, это было абсолютно бессмысленное занятие. Мне пришлось выучить истину, которую многие знают и так, без меня. Если кто-то тебе не звонит, если кто-то не хочет с тобой общаться, есть только один выход: идти дальше, и больше не растрчивать себя, думая о не раздавшемся на твоём телефоне звонке.

А потом – потом, в конце мая, нас пригласили в гости. Я даже запомнила дату: 27 мая. Из рейса вернулся близкий друг моего жениха ещё по мореходке, с которым он вместе учился на одном курсе. И нас пригласили праздновать его приезд. Как правило, пьянка по поводу возвращения моряка – святое дело. Первые недели возвращения домой в семьях, в которых вернулся моряк, постоянно накрытый стол, ходят толпы каких-то знакомых, друзей, знакомых друзей и общих дружественных родственников, и всё это время пьют, бесконечно пьют.

Очень сложное и неблагоприятное дело быть женой моряка.

Подобную жизнь выдержит не каждая. Мало того, что каждый день нужно накрывать стол, значит, постоянно готовить, так ещё и в твоём доме постоянно толпятся люди, приходящие попить и поесть за твой счёт. И мало того, что нужно готовить на них всех, и пить с ними вместе, так ещё не дай бог выразить недовольство по поводу ежедневных гулянок. Тебя просто никто не поймёт. Моряцкая пьянка на берегу – дело святое. Всё это могло бы быть весело, если бы не было так грустно. Я с тоской думала о том времени, когда мне придётся стать женой моряка и такие вот столы накрывать самой.

Друг моего жениха недавно купил квартиру в хорошем, престижном районе и ещё не успел как следует её обставить. Он был женат, и в семье росла маленькая дочь. Жена друга никогда мне особо не нравилась. Это было взаимно – я тоже не нравилась ей. По дороге, в машине, я всё время думала: зачем, собственно, я туда еду, если я терпеть не могу ни эту семью, ни своего собственного жениха?

Как всегда, людей было много, и я забилась в какой-то угол гостиной, где стоял недавно приобретённый диван и стеклянный кофейный столик, внушающий мне страх. На вид столик казался таким хрупким, что, казалось, он может развалиться буквально от одного взгляда. Я ни за что не села бы к нему в нормальных условиях, но, так как все места были заняты, мне пришлось забраться туда.

Я аккуратно, стараясь не задевать столик ногами, села

на диван, и рассмотрела пачку дорогих иллюстрированных журналов, лежащих сверху, на хрупком стекле. Это немного меня успокоило. Если столик мог выдержать такое количество макулатуры, значит, он состоял не из одного воздуха.

Я расслабилась, и взяла в руки первый попавшийся журнал. Это было гламурное женское чтиво как раз из той категории, что я терпеть не могла. Но он вполне соответствовал духу хозяйки дома, главное занятие которой, как мне всегда казалось, состояло только в том, чтобы наращивать и полировать ногти. Я ни за что не купила бы такой журнал в нормальных условиях, и, конечно, не стала бы его читать, но мне уж очень не хотелось участвовать в общем разговоре, поэтому это был просто отличный повод изобразить занятость.

Журнал назывался вроде «Женские секреты» или что-то похожее. На обложке красовалась полуголая красотка с чёрными, как смоль, волосами. Когда же я прочитала подзаголовок статьи, вынесенный, разумеется, на обложку, как хитовый материал, то просто не поверила своим глазам!

«Темпераментная голливудская звезда рассказывает о своём новом романе с известным русским художником. Читайте все подробности на странице такой-то».

Я так и не поняла, почему мгновенно у меня стали дрожать руки, и даже потемнело в глазах. Я быстро нашла нужную страницу. В самом начале статьи я увидела огромную фотографию Филиппа Рубинова с такими знакомыми искорками-чёртиками в распутных зелёных глазах. Он улыбался в

объектив, прищурившись с уже знакомым мне выражением хитрости, волосы его развевались на ветру, а загорелая кожа отлично контрастировала с берегом океана, на котором он был снят. Он выглядел таким красивым, что от одного его вида захватывало дух! Объектив камеры сумел превратить его в красавца, которым он не был в жизни, и я не понимала, как это на самом деле-то ли он действительно сейчас так отлично выглядит, то ли это качественный фотошоп.

Статья была о том, что известный художник Филипп Рубинов встречается с киноактрисой, голливудской звездой. Папарацци застукали влюбленную парочку в ресторане на пляже, где 46-летний художник и 25-летняя звезда ужинали при свечах, а потом держались за руки и мило целовались при выходе из ресторана. 25-летняя актриса латиноамериканского происхождения родом из Мексики, Хуана Бародо, на сегодняшний день считается одной из самых красивых и темпераментных актрис последнего поколения. Её последняя роль в фильме, ставшем мировым хитом, принесла ей не только миллионные гонорары, но и мировую славу. Известная многочисленными любовными романами, в последние месяцы актриса остановилась на русском художнике. По словам очевидцев, парочка встречается уже несколько месяцев, и в их отношениях царит полная гармония.

Неделю назад Хуана Бародо начала съёмки в одном из фильмов известного режиссера. Съёмки происходят на Карибских островах. Филипп Рубинов прилетел вслед за по-

другой. Фотографы застукали парочку на пляже и в дорогих ресторанах острова. Удалось даже сделать снимки на вилле, где поселились влюблённые – одной из самых дорогих вилл в Доминикане, которую арендовала Бародо на период съёмок. Надо ли говорить, что Филипп Рубинов поселился именно там.

Статья иллюстрировалась огромным количеством фотографий. Хуану Бародо можно было рассмотреть со всех сторон. Высокий рост – почти такая же высокая, как Рубинов. Идеальная фигура. Большая налитая грудь, тонкая талия, изящные бедра, ни грамма лишнего жира и просто идеальные пропорции. Большинство мужчин предпочитают именно таких. Длиннющие чёрные волосы ниже пояса, как шёлковый плащ. Действительно, исключительно красивые, даже если это искусная имитация – всё равно хороши. Экзотический разрез чёрных глаз. Кожа медового оттенка. Резкие скулы и узкие губы. На лице следы пластических операций и дурного характера. Словом – несусветная красота.

По сравнению с такой женщиной, как эта богатая мексиканка, я, наверное, не считалась женщиной вообще. Я, со своими 165 сантиметрами и 62 килограммами веса, бесцветными волосами, которые мне всегда они казались тусклыми, будто мышинными, и я красила их в каштановый цвет, короткой стрижкой, так как я терпеть не могла длинные волосы, поэтому стригла их как можно короче, так, чтобы они торчали непослушными вихрами во все стороны, толстыми но-

гами и слишком полной грудью казалась по сравнению с актрисой каким-то кувшином. Дело не могла спасти даже молодость. Тем более, что молодость – товар скоропортящийся. Мигнёшь один раз – и всё, пройдет.

Я знала по опыту, что большинство мужчин терпеть не могут женщин с короткими стрижками. Но это никогда меня не пугало, тем более, у меня всегда хватало поклонников. Но поклонники мои были обычными земными парнями, а не такими небожителями, как Филипп Рубинов. Страшная правда настойчиво лезла в мозг: ради такой женщины, как эта Хуана, большинство моих парней, и в том числе и мой жених, с радостью переступили бы через меня.

Фотографии из журнала не внушали оптимизма. Рубинов и красотка-мексиканка на пляже. Рубинов в закатанных джинсах и белой рубашке навыпуск, девица – в полуголых шортах, обнажающих её сексуальные ягодицы, и с распущенными волосами. Парочка, обнимаясь, идёт по кромке моря, под пальмами. Мексиканка в вечернем платье, Рубинов в смокинге, выходят из какого-то ресторана. Платье мексиканки огненно-алое, просто умопомрачительное, и она настолько яркая по сравнению со мной, как может быть только оранжерейная сортовая роза по сравнению с придорожным простеньким лютиком, чудом выросшем в гудроновой дорожной пыли.

И почти на каждой фотографии Рубинов обнимал её – то за талию, то за плечи, и, казалось, всю наслаждался этим

процессом. Голливуд. Карибские острова. Кинозвезда-миллионерша. Мало того, что миллионерша, так ещё и писаная красавица. Я вдруг поняла, что это конец. Теперь Филипп Рубинов был потерян для меня навсегда. Более чем смешно было бы думать иначе. Только человек, полностью лишившийся рассудка, мог бы подумать о том, что после такой женщины, как эта изломанная Хуана, можно вернуться ко мне. А я не была сумасшедшей. Я всегда гордилась – по крайней мере до зимы – тем, что живу в реальности. И реальность заключалась в том, что рядом с Рубиновым на пляже нежилась красотка-мексиканка. Не я.

Я тупо смотрела в иллюстрированные страницы, закусив губы, чтобы не заплакать. Изо всех сил кривила в улыбке рот. Мне казалось, что меня ударили. Наверное, это действительно было именно так.

Я всё смотрела и смотрела, не переворачивая страницы, и не заметила того момента, как рядом со мной возникла хозяйка дома. Она пролепетала – мол, это старый журнал, если хочешь, можешь его забрать. Я натянуто улыбнулась и отказалась. Тогда она, стараясь быть любезной как, скорее всего, строго приказал её муж, вдруг вспомнила, что у неё есть альбом репродукций Филиппа Рубинова. Ей кто-то подарил.

Знаете, есть такая хорошая поговорка: бутерброд всегда падает маслом вниз. Дальше всё произошло именно по такому закону подлости. Мало того, что я изо всех сил держалась, чтобы не разрыдаться, так вдруг, как по мановению

«волшебной» палочки, все в комнате услышали наш диалог с хозяйкой, и обернулись к нам. Мгновение – и все в голос заговорили о Филиппе Рубинове, о его известности и, конечно, о его богатстве. И сразу отреагировали на статью, которая была открыта мной.

– С ума сойти, какая красotka! А этот Рубинов хитрый бес, такую девку отхватил.

– Был бы поумней, сразу бы на ней женился, всё-таки миллионерша. Хотя ради такой фигуры и нищую можно вытерпеть.

– Рубинов? А мне никогда не нравились его картины! Они какие-то искусственные, как будто он фотографии раскрашивает. Абсолютно никакой жизни! Стоит безумно дорого – а, спрашивается, за что?!

– Рубинов? Да обычный мазила! Шарлатан! Рисовальщик мёртвого искусства! Но жутко хитрый бизнесмен. Научился втюхивать свою мазню разным лохам на Западе, тем и прославился. У нас на арт-рынке на каждом углу по пятьсот штук таких рубиновых, копии с «Трёх богатырей» Васнецова продают. И эти копии, если по-честному, намного лучше бездарной и дешёвой мазни Рубинова.

– Точно! Эти бизнесмены от искусства не имеют ни вкуса, ни мозгов. А Рубинов вообще хуже их всех. Я и то лучше нарисовать могу!

– А вы думаете, он женится на этой девке? На кой хрен он ей нужен, старый козёл! Наркоман вообще, наверное. Они

там все в этой Москве такие – наркоманы и потасканные козлы.

В разгар этого красочного бурного обсуждения я вдруг поймала на себе странный взгляд своего жениха.

– Никогда бы не подумал, что ты увлекаешься живописью, тем более, каким-то Рубиновым.

– Мне просто нравятся его картины, – я смело выдержала его взгляд, – а что, нельзя?

– Они же бездарные!

– Ты их видел?

– Нет. Но так все говорят. Да и что может нарисовать придурок, который связался с такой дешёвой голливудской потаскушкой. Переспала со всем Голливудом, теперь там никому не нужна, так новую жертву нашла. Я бы ни за что не стал встречаться с девушкой, которая так неразборчива в своих связях и шляется, с кем попало, особенно с таким, как этот Рубинов. Какое счастье, что у меня есть такая девушка, как ты!

Я смотрела на его попахивающее самодовольством широкое лицо, не отрывающее от меня влюблённых глаз, и вдруг поняла, что мне хочется его ударить. Да не просто ударить, а вмазать по-настоящему, до крови. Но всё, что я могла сделать, только впиться в собственную ладонь ногтями, чтобы не завизжать изо всех сил, и не сойти с ума от этого визга. Я никогда не думала, что обычный вечер в гостях может стать такой пыткой. Таких изошрённых мучительных пыток у ме-

ня не было до того дня.

Я так страдала, что голова налилась свинцовой болью, и, когда на обратном пути, в машине, мой жених предложит заехать к нему, я сказала, что у меня начинаются месячные, и я еле живая по этому поводу. Больше всего на свете мне хотелось теперь, чтобы он оставил меня в покое. На эту ночь и на всю жизнь.

Вернувшись домой, я сразу же уселась за компьютер. Во всех источниках в Интернете писали почти то же самое, что я вычитала в статье. Роман Рубинова с мексиканкой, бла-бла-бла...

Только одна статья отличалась от всех остальных. Это был какой-то культурологический портал, более сдержанный в своей стилистике и манерах. Там речь шла о том, что Рубинов сейчас работает над новой картиной. Эта картина называется «Триптих одиночества». Это название озвучил сам Рубинов в одном из многочисленных интервью. И это является настоящей загадкой. Никто не может понять, почему вдруг в разгаре нового любовного романа – «Триптих одиночества». Поговаривают даже, что этой актрисе предшествовала любовная драма. Или Рубинов влюблен в кого-то ещё, и тщательно скрывает свою любовь. Может быть всё, что угодно, потому, что для широкой общественности Рубинов всегда оставался тайной. Именно поэтому он и стал великим художником.

Все же прочие статьи были похожи одна на другую, как

две капли воды. О Рубинове и голливудской красотке Хуанде писали много. Но, как я поняла, это были простые перепечатки. Ничего больше. Больше читать смысла не было. Я выключила компьютер.

После этого я зашла в ванную и открыла кран с водой на всю мощь. Мне требовалось создать шум. Я не хотела, чтобы было слышно, как я плакала. Мне почему-то казалось, что я буду плакать. Но, как ни странно, глаза мои оставались абсолютно сухи. Я не плакала из-за Филиппа Рубинова. Вода с громким шипением ударялась о стенки ванны, а я всё ждала, когда точно так же слёзный поток будет катиться по моим щекам, смывая абсолютно всё, что я чувствовала внутри. Но слёз не было. Значит, ничто и не смывалось. Всё сохранялось в таком виде, как было – жгучая боль, разочарование, обида, ненависть, горечь, злость, оскорбление, зависть к счастливой сопернице, то есть всё то, чем всегда полон самый обыкновенный любовный роман.

В душе же моей, и без того отравленной этим «коктейлем», было пусто, как в использованной консервной банке. Пусто и безотраднo было в моей душе.

А через неделю я увидела Филиппа Рубинова на обложке одной из очень популярных газет. Он красовался в голубой рубашке навыпуск, щеголяя своим карибским загаром. Газета была из жёлтой серии, кажется, она так и называлась – «Жёлтая газета»). И, конечно, анонс – подзаголовок статьи: «Филипп Рубинов: мне не нужна обычная любовь».

Я купила газету, когда возвращалась домой из института, зашла в квартиру. Я прочитала всё совершенно спокойно. Вопросы были характерные для жёлтой прессы – разумеется, про женщин и про секс. Филипп Рубинов хвастался огромным количеством женщин, твердил, что даже не помнит имена всех тех, с кем спал. Гордо сообщал всему миру, что не видит себя в обычном браке, так как вообще не создан для семейной жизни. К тому же, ему вообще не нужна семья, и жениться в ближайшее время он не планирует. Намекнул, что отношения с голливудской красоткой Хуаной для него ничего не значат – мол, мимолетный эпизод, сколько у него было таких! Журналист не выдержал, и потребовал прямого ответа: собирается ли Рубинов жениться на голливудской звезде? И получил такой же прямой ответ: нет, не планирует. О браке и речи не было. Всё это так, развлечение. Конечно, Хуана красивая женщина, очень красивая, отношениями с такой женщиной можно только гордиться, но он не видит в ней свою спутницу. А, значит, его женой она никогда не будет.

Потом Рубинова понесло. Я запомнила кое-что из того, что он сказал: «Я влюбляюсь не в женщину, а в своё состояние рядом с ней. Для меня абсолютно не важна физическая красота. В женщине, в которую я влюблюсь, должно быть что-то такое... Неуловимое, особый вкус, или цвет, или запах, какой-то нюанс, который отличает её от всех и заставляет возвращаться к ней мыслями снова и снова. Идеальная

для меня женщина – это та, которая будет понимать: я никогда не буду делить женщину с моей работой. Для меня искусство всегда останется на первом месте. И в тот момент, когда я прикасаюсь кистью к холсту, женщина должна понять, что она для меня умерла. Конечно, это фигурально выражаясь. Но женщины, способной вытерпеть то, что в момент создания картины она для меня просто не существует, в мире нет. Вот поэтому я один».

«Сначала, когда я вижу красивую или чем-то интересную женщину, она сильно привлекает меня внешне. Я хочу её соблазнить, разумеется, хочу заняться с ней любовью. Я готов наплести всё, что угодно, чтобы этого добиться. Не совсем честный и правильный подход, согласен. Но ведь так поступает большинство мужчин, только об этом не говорят. А потом, когда всё уже произошло, она вдруг становится для меня абсолютно не интересной. Более того: я вдруг начинаю открывать в ней какие-то черты, недостатки, слабости, неровности, которые начинают меня раздражать. И если вначале я думал только о том, как затащить её в койку, то потом начинаешь думать – ну когда же она наконец уберётся из моей жизни! Что бы сделать такого, чтобы она наконец ушла? Это ужасающее чувство, оно иногда гнетёт меня самого, но это моя реальность. Я ещё не встречал женщины, с которой почувствовал бы иначе. Именно поэтому я убираю очередную женщину из своей жизни, и сажусь к холсту. Да, я грешен. Иногда я убираю их грубо, иногда обижаю, потому что кате-

горически не могу дать им то, что они ждут. Если бы я встретил женщину, которая бы поняла, что в тот момент, когда я взял в руки краски и кисть, она должна навсегда убраться из моей жизни, раствориться, исчезнуть, забыться, просто перестать существовать – наверное, я бы никогда не отпустил такую женщину. Но, насколько я понимаю, и насколько мне подсказывает собственный опыт, таких женщин в мире просто нет».

«Я мечтаю создать новое представление о старом чувстве, – говорил Рубинов, – чувстве, терроризирующем мир со дня его возникновения. Одиночество всегда представлялось горем, но кто знает, какое оно на самом деле? Оно связано с любовью, с человеческой душой. Моя новая картина будет называться «Триптих одиночества». Её наполнят простые живые чувства и мысли. В основе их, конечно же, двое, мужчина и женщина. И ещё что-то третье, что я пока не могу найти. Но мне обязательно подскажет время».

– Ты газету купила? – сказала мама, – есть что-нибудь интересное?

– Можешь забрать, если хочешь, – свернув, я протянула газету ей, – интересное? Абсолютно ничего.

Спустя пару дней я стояла возле зеркала, снимая макияж ватным тампоном. Чёрная тушь запеклась в уголках глаз. Включив громкую связь – родителей, к счастью, не было в квартире, я болтала с одной из своих многочисленных подруг, категорически отказываясь сегодня идти в ночной

клуб. Тушь оставляла на щеках грязные подтеки. Я устала от бесконечных пустых разговоров. Я выходила за целый день всего на полчаса, но я так устала, что не хотела куда-то идти. Я слушала пустую трескотню подруги и с тоской думала о том, как несовершенно устроен мир. Мы не можем отключить слух так, как мобильник. Техника бывает умнее людей.

В конце концов, разговор закончился, и я с облегчением нажала кнопку отбоя. Меня ждал самый ценный в мире дар – несколько часов тишины. Поэтому, когда телефон зазвонил снова, настойчиво и громко, я чуть не взвыла от злости и едва не запустила в стенку злосчастный гаджет. Бросив грязный ватный диск прямо на поверхность столика, я схватила трубку, проклиная весь мир. Раскаты этого телефонного грома спешили поведать мне, что дурацкая трубка сейчас разорвётся из-за того, что на неё никто не обращает внимания.

Я не смотрела на глянцеви́тую поверхность потому, что и так знала, кто звонил. Эта подруга умела доставать так, как никто другой. И, по всей видимости, с удовольствием демонстрировала на мне свои умения. Я нажала кнопку «ответить» и со злостью заорала:

– Неужели ты, дура, блин, не можешь оставить меня в покое?!

– Ты действительно хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? – раздался в трубке голос, от которого у меня подкосились ноги. – И, кстати, я не «дура блин».

Что-то глухо заколотилось в моей груди, потом оборва-

лось и полетело вниз с такой болью, что я даже задохнулась, хватая ртом воздух. словно сердечник, схватила за грудь.

– Я скучал о тебе, глупая девчонка. Скучал по твоей непредсказуемости – только ты так умеешь послать.

Я не знала, можно ли говорить о голосах так, но у него был какой-то иронический голос... Голос, возникающий в самых недрах моей души. Я стояла и хватала ртом воздух, а из глаз моих почему-то хлынули слезы. Я не плакала, когда представляла себе, как он трахается с голливудской красоткой. Я не плакала, когда видела их запечатлённый газетчиками роман. Я не плакала, видя плотоядный взгляд его зелёных глаз, разрывающих моё сердце со страницы журнала. Я не плакала, когда прекрасно знала реальность – мы больше не встретимся, никогда. Я сжимала зубы, терпела боль, как пленный партизан на допросе у немцев, и не говорила ни единого слова. Я не пролила ни единой слезинки, оплакивая себя. И вот теперь, когда он позвонил спустя столько месяцев, когда в моей трубке зазвучал голос реального, из плоти и крови, Филиппа Рубинова, я разревелась, как последняя дура, и всё не могла успокоиться. Я хватала ртом воздух, а слёзы обжигающим кислотным потоком уничтожали последние остатки моей кожи на распухших от такого нестерпимого счастья щеках.

Накануне ночью я лежала в постели с моим женихом, в его квартире, оставшись у него ночевать. Был такой же, как всегда, секс – скучный, как стирка чужих носков. И, когда

всё закончилось, он уткнулся, как щенок, в плечо моё тёплым, чуть влажным носом, и просопел:

– Ты счастлива? Тебе было со мной хорошо?

– Мгм...

– Скажи, ты действительно меня любишь?

– Мгм...

– И мы обязательно поженимся?

– Мгм...

– Скажи, ты действительно испытываешь то же, что сейчас я?

– Мгм...

– Ты ведь никогда от меня не уйдёшь?

– Мгм...

Мне и самой было отвратительно чувствовать себя такой нечестной. Но что я на самом деле могла сказать? Мне просто нечего было сказать, и моё мычание «мгм» означало для меня целый мир. Это был серый гранитный мир, в котором не оставалось никакого проблеска счастья. Но я как будто думала, что мир и должен быть таким, и не собиралась ничего менять. Никаких других мужчин. Я не врала. Просто я думала, что так – будет правда.

И вот я стою, захлебываясь от слез, а вокруг меня рушится железобетонный гранит, который не возможно было разрушить ни одной взрывчаткой. И голос другого мужчины, только голос другого мужчины возвращает моим глазам жизнь, которой, как мне казалось, я уже лишилась в зимнем холоде

свалившихся на меня потерь и разочарований.

На самом деле в тот момент я ничего ещё не знала о потерях. Я не знала, что счастье может так же причинить боль, как оскорбление, как предательство, как удар. Я не знала всего этого. В моём телефоне звучал голос Филиппа Рубинова.

– Я приехал. Я сейчас нахожусь в твоём городе. Через полчаса жду тебя в гостинице «Континенталь», номер 325.

Дальше был сумасшедший вихрь, тайфун, цунами. Тапочки полетели в стены. Шмотки из шкафа – туда же. Я натянула на себя первую попавшуюся под руку майку и джинсы, и выскочила из квартиры в коридор прямо в домашних тапочках, даже не успев пройтись щёткой по всклокоченным волосам. Остановившись возле лестницы, я заметила тапочки. Мне пришлось вернуться в квартиру, чтобы заменить их на кеды, быстро черкнуть в кухне записку родителям «Уехала в ночной клуб, заночую у подруги, целую, я», и помчаться по городу с такой скоростью, которую просто невозможно развить в нормальных условиях. Просто удивительно, как я не попала под машину и не стала причиной жуткого ДТП.

Я бежала в никуда, бежала вопреки всей своей судьбе, чтобы в дорогом гостиничном номере прижаться к груди чужого и взрослого, старше меня почти на тридцать лет мужчины с трудным характером, и сказать только одно:

– Люблю.... Люблю.... ЛЮБЛЮ!!!!

Я сидела в кровати, обхватив руками колени, и смотрела, как лопались пузырьки в шампанском. Мне было холодно, и

я натянула одеяло до плеч. Я не верила своим глазам. Им было просто невозможно поверить! Мне казалось: всё, что происходит, какой-то бред, сон. Мужчина моей мечты совсем рядом, он стоит напротив кровати, накинул некое подобие шёлкового халата, и разливает шампанское по высоким бокалам, таким прозрачным, что кажется, будто прямо в воздухе искрятся сияющие пузырьки.

– Я и спросить забыл... Как твои дела?

Находясь в сумасшедшей эйфории, я не услышала этот простой вопрос. Наверное, он бы возмутил меня в обычной обстановке – ну что за отношение, если о моих делах спрашивают после секса! Но я находилась в столь приподнятом состоянии духа, что всё, что бы он ни сказал и ни сделал, было для меня хорошо.

Я до сих пор задыхалась от бурного секса, и я прекрасно знала, что больше он не повторится. Я буквально сходила с ума, растворяясь в нём как в горячей ванне с медовым раствором. Он был лучшим в мире, и моя выстраданная любовь превратилась в бесконечное обожание, не похожее вообще ни на что... Больше, конечно, на гипноз, чем на счастье. Но что поделаешь, если я все ещё витала в облаках и не могла понять: всё, что происходит со мной – правда. И это Филипп Рубинов. Это действительно он. Не бред. Не сказка. Не иллюзия. Не припадок непонятного сумасшествия. А если и припадок, я не хочу, чтобы он проходил. Я становлюсь совершенно больной от одной только мысли о том, что стоит

мне зажмуриться – и он исчезнет. С моим сознанием не всё было в абсолютном порядке. И так происходило с зимы, значит, достаточно давно.

Когда я не ответила на вопрос, он бросил странный взгляд на моё лицо, но ничего не сказал. Его лицо было абсолютно плоским, ничего не выражающим, как самая непроницаемая в мире маска. И почему так, я понять не могла.

– Я спросил тебя кое о чём...

– Я не слышала. Что ты спросил?

– Как твои дела?

– Господи, да теперь-то какая разница!

– Не понял. Теперь – это как? Ты экзамены хоть сдала?

– Сдала.

– А знаешь, что будешь делать дальше?

– Нет.

– С тобой как-то странно. Ты что, влюбилась?

– Нет... – Он что, совсем придурок? Ну и вопрос!

– Значит, твоя сессия уже закончилась, и у тебя каникулы?

– В конце июня? Да.

– Прекрасно. А почему ты не интересуешься, зачем я здесь?

– Это так важно?

– А ты как думаешь?

– Неужели твоя мексиканская шлюха выставила тебя за дверь?

Резко, с шумом, он поставил бокалы с шампанским на

стол, даже не предложив мне, и я поняла, что перегнула палку. Наверное, я была неправа. Но что же сделать? Эти слова вырвались из меня против моей воли! Я вообще не хотела их говорить!

Неправда, хотела. Мне хотелось расшевелить его заторможенность, вырвать из этого аморфного состояние абсолютной плоскости, в которой, пребывая в своём мире, он относился ко мне невыразительно и ровно, как к плоской доске, наливая шампанское с непробиваемым равнодушным лицом и интересуясь моими делами только после секса. Мне хотелось сказать ему что-то грубое, причинить ту же самую боль, что когда-то он причинил мне. И мысль о том, что я совершенно не властна над его эмоциями и над его болью, доводила меня буквально до иступления.

Я была рада, что он сбросил непроницаемую броню, и отреагировал, как живой человек, так, как и должен был отреагировать. Мои слова стали для него неудобством, и в раздражении он швырнул бокалы с шампанским, едва не разбив. Если бы разбил, было б лучше. Я испытала бы более глубокое удовлетворение, чем в сексе.

– Так, мне всё понятно. – Рубинов повернулся ко мне, забыв обо всем: – Давай оставим, пропустим сцену ревности. Да, Хуана была. И нечего называть её мексиканской шлюхой. Она звезда Голливуда, а ты никто. Таких, как ты, по пятьсот штук на каждом углу, так что не тебе изгаляться, выдумывая всякие гадости о Хуане. Да, у нас был роман. Да, долгий ро-

ман и бурный секс. Но почему-то я бросил её и приехал сюда, к тебе. Я почему-то ждал, что ты спросишь, зачем я приехал.

– А зачем ты приехал? – Его отповедь в ответ на мои слова не разочаровала меня, наоборот. Я видела, что сумела его задеть, и это мне даже понравилось. Ведь оскорбить кого-то – значит, выдать свою боль, проявить слабость. И в том, что он меня оскорблял, он становился уязвимым сам. Как правило, равнодушные люди не вспыхивают в ответ. И оскорбления, услышанные в ответ на обидную реплику, не всегда признак ненависти. Бывает и несколько иначе.

– Я приехал потому, что в корне изменил все свои планы.

– Какие именно планы?

– Жениться на Хуане – в том числе.

– И что дальше?

– Два месяца назад я купил виллу в Крыму. Это довольно удобный двухэтажный дом с выходом к морю, в месте, где есть и горы, и лес. Вилла, конечно, громко сказано, просто это очень хороший, удобный дом, и я купил её для нас с тобой. Я хочу закончить возле моря свою картину.

– Что ты только что сказал?

– Я сказал, что купил этот дом потому, что думал о тебе. Постоянно думал о тебе, и ничего не смог с собой сделать. Смотрел на Хуану, обнимал её, занимался с ней любовью – а думал о тебе. Глупо, правда?

– Я не знаю. Я ещё не слышала в жизни ничего подобного.

– Догадываюсь, что не слышала. И не думаю, что тебе при-

ятно это слышать. Но я всё равно буду говорить так, как хочу. И если тебе что-то не понравится, мне плевать, это твои проблемы. Так вот: главным образом я думал о тебе, потом о картине. Я хотел закончить свою картину. Я знаю, чувствую: это будет самая лучшая картина, из всех. На самом деле я ещё не был внутри этого дома. Я видел только фотографии, мне прислали их по Интернету. Я подписал бумаги и расплатился заочно. Теперь мне очень хочется поехать туда, посмотреть.

– Всё это понятно, только при чём тут я?

– Ты едешь со мной.

– Что?

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Ровно на две недели. Ни днем больше. Больше я не выдержу. После этого я дам денег и отправлю тебя домой.

Сказать, что я была в шоке, означало ничего не сказать. Речь моя отнялась в буквальном смысле слова. Усмехнувшись как-то нехорошо – так усмехается боксёр на ринге, когда тяжёлый соперник падает в нокаут от его удара, – Рубинов протянул мне бокал с шампанским. Я машинально взяла и залпом выпила потрясающе вкусный напиток. В жизни не пила такого изумительного шампанского!

– Итак, я предлагаю тебе поехать со мной на две недели к морю. Теперь мы можем поговорить об этом серьёзно. Я хочу, чтобы ты поняла меня правильно. Я предлагаю тебе хороший отдых, больше ничего. Я очень хочу, чтобы ты поеха-

ла со мной. Но перед отъездом давай расставим все необходимые точки. Я тебя не люблю. Я в тебя не влюблён. Я ничего тебе не дам – ни любви, ни взаимности, ни нежности. Я не женюсь на тебе, и я не дам тебе будущего. Будущего у наших отношений попросту нет. Они будут длиться ровно две недели, после которых мы разъедемся в разные стороны и больше никогда не станем встречаться. Это моё условие. По истечении срока двух недель без всяких истерик, сопливых признаний, лживых уговоров, слёз и прочего я отвожу тебя в аэропорт и усаживаю в самолёт. Я понимаю, что моё предложение выглядит сомнительным, что в глубине души ты будешь рассчитывать, что за эти две недели я потеряю от тебя голову, и решу на тебе жениться. Ещё ты будешь обдумывать, что мужчина никогда не сделает подобное предложение девушке, если не имеет на неё серьёзных планов. Для обычных мужчин – да. Но я не отношусь к обычным людям. У меня всё не так. И поэтому через две недели я уберу тебя из своей жизни, и ты должна принять это как должное, а не строить всякие сомнительные иллюзии. Продолжения двух недель не будет. Я не собираюсь с тобой расписываться, и я не намерен оставлять тебя в своей жизни. Запомни это правило и чётко повторяй про себя. Исключений из этого правила не существует. Не бойся, что я брошу тебя беременной. Никакой беременности не будет, это я тебе обещаю. А если ты меня не любишь, это только к лучшему, я буду этому рад. Буду знать, что ты не доставишь мне проблем. Не обязатель-

но рассказывать всем и каждому об этих двух неделях. После ты сможешь вернуться к нормальной жизни и выйти замуж. Да, я в курсе, что у тебя есть жених. Твоя сестра, а я с ней виделся, рассказала об этом мне. Так вот: можешь спокойно планировать свадьбу, наши отношения ничего не изменят в твоей жизни. И если не расскажешь жениху, всё в твоей жизни будет хорошо. Я ничего тебе не дам. Я не дам тебе будущего. Но я дам тебе то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не даст большинство мужчин. Я дам тебе правду.

Устав от такой длинной речи, Рубинов сел на кровать и стал пить шампанское, подливая себе из бутылки. А я думала о том, что никогда не слышала такой странной речи, такого странного предложения, и никогда уже не услышу. Дай Бог, чтобы больше не слышала! Дай Бог...

– Возьми Хуану! – Мои слова снова застают его врасплох. – Возьми с собой эту мексиканскую шляпу! Я уверена, что она никогда не видела Крым. Рада будет посмотреть.

– Ты начинаешь снова? – Рубинов нахмурился.

– А кто тебе сказал, что я закончила? Привыкай!

– К чему привыкать?

– К двум неделям! Я всегда буду такой, и ради двух ничего не значащих недель не буду себя менять!

Я ожидала вспышки нервов, крика, нового потока оскорблений, но я совсем не ожидала того, что он сделал. Через всю кровать Рубинов потянулся ко мне, а потом просто обнял, как маленького ребёнка, обнял успокаивающим жестом

за плечи.

– Я разговаривал с тобой как со взрослой, а ты просто ревнивая маленькая девочка! Я на это как-то не рассчитывал. Что ж, учту на будущее.

– Какое будущее? Ты сам сказал, что будущего не будет!

– А две недели?

– Да уж, огромный срок жизни! Может, тебя ещё на мою свадьбу пригласить?

– Пригласи. Только я не приеду. Потому, что когда придет приглашение, я успею тебя забыть.

– Договорились. Одним ртом на свадьбе меньше. Выгоднее платить!

Рубинов рассмеялся. Я не понимала причины его смеха. Я не понимала, почему так лихо, изо всех сил, озорные, задорные и яркие чёртики пляшут так ярко в его глазах.

– Ты уже знаешь, что мне ответить, моя маленькая девочка?

– Я не твоя маленькая девочка.

– Ты знаешь, что мне ответишь?

– Я поеду с тобой в Крым.

– Ты уверена? Я не тороплю. Ты можешь хорошо обдумать своё решение!

– Я обдумала. Я поеду с тобой в Крым.

– Ты принимаешь все мои условия?

– Принимаю.

– И ты гарантируешь, что не устроишь мне никаких

осложнений? Что мне не придётся отправить тебя домой раньше срока?

– Гарантирую. Я уеду, если ты захочешь этого, раньше. Но никаких осложнений не будет. Даю слово.

– А знаешь... – Рубинов снова обнял меня за плечи, – а знаешь, мне такая вещь пришла в голову... Может, со всеми этими условиями я поспешил? А может, я влюблюсь в тебя до безумия?

Я не знала, не могла понять, смеется он, шутит или говорит правду. Только почему-то в тот момент почувствовала сильную боль. Эта боль пронзила меня, как внезапный удар, боль которого немного смягчена от его неожиданности. Но всё равно боль есть, и от неё не хорошо. Поэтому довольно резко я высвободилась из его объятий, и, встав с кровати, принялась одеваться. Рубинов наблюдал за мной с какой-то странной ухмылкой. Я одевалась быстро и решительно. Рубинов меня не остановил.

«Я должна объяснить тебе что-то очень важное. Поэтому пишу тебе простое письмо, ручкой по бумаге. Признайся, ты сто лет не получал таких писем! И ты наверняка испытаешь радость от полузабытого ощущения чувствовать бумагу в своих руках, от того, как хрустит конверт. Но радоваться и ностальгировать ты будешь не долго. Это письмо не принесёт тебе радостные вести. Я убиваю тебя этим письмом. А может, и не убиваю, может, я преувеличиваю твои чувства, как всегда их преувеличивала. По крайней мере, я знаю, что ты

никогда не испытывал ко мне глубокую, всепоглощающую любовь. И я, разумеется, тоже.

Ты, наверное, уже понял, о чём пойдёт речь, и что никакой свадьбы не будет. Я буду невероятно многословной и напишу достаточно длинную речь. Но я хочу объяснить, что происходит в моей жизни. Я устала от того, что в последнее время всё вокруг стали всё за меня решать. Наши родители решили о нашей свадьбе. Ты тоже решил. Все чего-то решили. Только вот меня никто ни о чём не спросил. Все решили, всё было решено, и все сразу успокоились этими всеобщими решениями. Чтобы ты понял, что и тоже имею право решать, имею право распоряжаться собой и строить свою жизнь, я расскажу тебе эту притчу.

Однажды могущественный король проиграл важную битву и попал в плен к королю-колдуну, который возглавлял вражеское войско. Колдун сказал королю: я могу казнить тебя по законам военного времени как моего врага, но я хочу дать тебе шанс на жизнь. Я даю тебе срок, за который ты должен ответить на один единственный вопрос. Ты должен прийти и точно сказать, чего хотят женщины. Король впал в отчаяние. Он срочно созвал всех своих советников, велел тысячам подданных мужчин ходить по стране, расспрашивая всех женщин, чтобы узнать ответ на этот вопрос. Но все эти поиски не дали никаких результатов. Женщины говорили разное. Советники тоже. До конца срока оставался ровно один день. И вот к королю пришёл старик-крестьянин, и ска-

зал, что в горах живёт отвратительная старая ведьма, которая точно знает ответ на этот вопрос, и сама не раз хваталась этим. Она может помочь. Не теряя времени попусту, король поспешил к ведьме.

Ведьма была древней старухой, её внешность внушала отвращение и ужас. Ведьма сказала: я знаю, как тебе спастись от смерти. Но за правильный ответ ты должен выполнить то, что я хочу. Король поклялся, что выполнит все условия. Тогда старуха сказала, что хочет выйти замуж за короля.

Король ужаснулся – уж слишком отвратительной и старой была вещунья! Но делать нечего: он согласился на свадьбу.

На следующий день он пришёл к колдуну и ответил то, что велела ему ведьма. Король сказал следующее: все женщины хотят сами распоряжаться своей жизнью. Колдун склонил голову перед правильностью этого ответа, и подарил королю жизнь.

Ведьма сказала, что свадьба должна состояться через месяц. Но весь этот месяц она будет жить в королевском дворце, в покоях, соседних с королевскими. Делать нечего: король был человеком слова. Дал слово – держи, этому учили его с детства. И ведьма поселилась в королевском дворце. Месяц она вела себя отвратительно! Ведьма скандалила, напивалась, устраивала различные злые гадости, издевалась над всеми придворными и вела себя самым худшим образом. Но король, стиснув зубы, стерпел все её выходки. И вот через месяц состоялась их свадьба.

Когда же в первую брачную ночь король вошел в спальню, то увидел, что в кровати лежит самая прекрасная женщина в мире – из всех, кого ему доводилось видеть! Это была чудесная красавица, эталон женственности, изящности и красоты. Король удивился, но ведьма сказала: я стала такой потому, что ты не отказался от меня. Ты терпел все мои выходки, и ни разу не предал, не выгнал. Именно поэтому я решила принять такой облик. Но, к сожалению, я не смогу выглядеть так всегда. Часть суток мне придется проводить в облике отвратительной старухи. Ты сам реши, когда ты хочешь, чтобы я была красавицей, а когда старухой, днём или ночью.

Король задумался. Что лучше: проводить ночи с неземной красавицей, но днём царствовать в королевстве рядом с отвратительной уродливой ведьмой? С этой ведьмой его будет видеть весь окружающий мир, но зато ночи он будет проводить с неземной красотой. Или лучше видеть королеву неземной красоты днём, чтобы все завидовали и твердили о чудесной внешности королевы, а ночи проводить наедине с отвратительной ведьмой? Король думал так долго, что совершенно запутался. И, в конце концов, сказал: знаешь, я не могу решить этот вопрос, поэтому оставляю его на твоё усмотрение. Реши сама, как ты хочешь, как сама считаешь нужным. Я согласен принять любое твоё решение.

И тогда ведьма сказала, что решила остаться неземной красавицей и днём, и ночью, так как король правильно понял и сделал главный вывод из того, что сказала она ему то-

гда. Он дал женщине решить самой, и она сама сделала свой выбор. Потому, что **ВСЕ ЖЕНЩИНЫ ХОТЯТ САМИ РАСПОРЯЖАТЬСЯ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.**

Такова эта притча. Я надеюсь, ты правильно меня понял. По той причине, что ты сам не давал мне решить ничего. Никогда. Поэтому я и стала отвратительной ведьмой. Именно такой ты и будешь всегда меня видеть.

Когда ты получишь моё письмо, я буду уже далеко. Вряд ли ты поймёшь, что именно я тебе написала. Мы решили ехать завтра. Поверь, я уезжаю в расстроенных чувствах. Нельзя сказать, что я чувствую хоть какую-то вину перед тобой. Хотя должна бы. Должна бы попросить прощения и покаяться, обзывая себя грешницей и распутницей. Но лгать не хочу и всего этого делать не буду.

Завтра я уезжаю к морю с другим мужчиной. На две недели. Потом я вернусь. Но я вернусь в свою жизнь, а не в твою. Я должна ехать, потому, что безумно хочу этого и потому, что ему я нужней, чем тебе. Для недели с ним стоят целой жизни с тобой. Прости, это больно. Но это моя правда. Хотя бы раз в жизни каждый человек имеет право поступить так, как ему хочется. Я его люблю. Он не женится на мне никогда. Не падай в обморок от моей безнравственности. Я очень счастлива. Ты никогда не сделаешь меня такой счастливой. Может быть, этими двумя неделями я перечеркиваю всю свою жизнь. Пусть! Я не променяю их ни на что на свете.

Две недели пройдут очень быстро. Когда они пройдут, мы

расстанемся с ним, и разъедемся по разным концам света. Я это знаю. И он это знает тоже. Я не требую от тебя прощения. Я не прошу понимания. Я просто хочу, чтобы ты вычеркнул меня из своей жизни. Я не хочу стабильности и лёгкости с тобой, я хочу тяжести с ним. Поэтому, пожалуйста, забудь меня как можно скорей и начни строить свою жизнь заново. Ты обязательно встретишь своё счастье, я знаю это.

Я не прошу и не требую, чтобы ты меня простил. Мне всё равно. Мне не нужно твоё прощение. А Бог меня простит. Он всё видит, всё знает. Я ни в чём не виновата перед Богом. Это главное.

От тебя я хочу только одного. Чтобы ты правильно понял то, что написано мной между строк. То, что не сумею, не смогу объяснить в этом письме. Я ошиблась, думая, что ты любовь всей моей жизни. Это далеко не так. И ты ошибся тоже, думая, что меня любишь, и что я значу для тебя так много, как ты сам себе придумал. Может быть, я и делаю ошибку, не знаю. Но это уже мои проблемы, не твои. И мне жить с ними дальше. Знаешь, только не проклинай меня, если сможешь. А если не сможешь... Что ж, это твоё право. Злись, ненавидь. Может быть, злость и ненависть облегчат твою душу. Я прекрасно понимаю, что причиняю тебе боль. Но всё сейчас настолько серьезно, что у меня нет никакого повода тебя щадить. На кону моя жизнь, а, значит, я буду откровенной и жёсткой.

Друзьям и родственникам можешь говорить абсолютно

всё, что угодно. Можешь изо всех сил рассказывать им, какая я последняя дрянь. Это твоё право. Тем более что это правда. А правда не может причинить боли. И мне вообще всё равно.

Теперь прощай. Это последние строки моего последнего письма к тебе. Кажется, я сказала всё, а, заканчивая письмо, понимаю, что не сказала почти ничего. Я ничего не объяснила, не оправдала, не доказала. Всё как-то сумбурно, скомкано – как, собственно, и бывает в жизни. Не вспоминай моё имя с проклятиями и злом. Лучше вообще не вспоминай. Так будет для всех лучше. Мы, наверное, никогда больше с тобой не встретимся. Надеюсь, ты понял, что больше никогда не будет никакой свадьбы. Я больше не захочу с тобой говорить, поэтому не доставай меня попытками встретиться или разговаривать о том, о чём невозможно разговаривать. Спасибо за то, что ты был в моей жизни. Помнить меня не прошу. Простить – тем более. Поэтому прощай. Прощай навсегда. Спасибо за то, что ты дочитал до конца мои сумбурные мысли».

Это письмо я запечатала в настоящий бумажный конверт и отправила по почте накануне своего отъезда с Филиппом Рубиновым.

На следующий день после моего первого визита в гостиницу и моего ответа о том, что я соглашаюсь ехать, я приехала к Рубинову снова и привезла свой паспорт для того, чтобы он заказал через гостиницу билеты на самолёт. Так же

обсудили наши планы.

– Честно говоря, куда именно я должен ехать, я даже не представляю. Знаю, что это где-то рядом с Гурзуфом. Или в самом Гурзуфе. Для меня все эти названия ничего не значат. Конечно, я записал адрес и всё такое, у меня даже есть ключ от дома и код, как именно выключить сигнализацию. Но я ничего не видел, поэтому нас могут ждать любые неожиданности.

– Просто потрясающе! Ты купил дом, даже не видя его в реальности! Извини, я, конечно, не избалованный миллионер, для которого одним миллионом больше, одним меньше... Но ты хоть представляешь, что на месте дома тебя может ждать глиняная развалюха в виде самой поганой хижинки, которая не стоит и десяти долларов?

– Ну, это уже слишком! Тогда это агентство недвижимости я просто сотру с лица земли. У меня есть для этого и связи, и финансовые возможности. Нет, такой фортель они могли бы выкинуть с кем-то другим, но только не со мной, прекрасно зная, что у меня есть сила. Поэтому такой сюрприз нас не ждёт. Дом есть, и он приличный. Только вот как до него добираться – не знаю.

– А если дом тебе не понравится?

– Тоже мне, проблема! Продам. Знаешь, какой ценной считается такая недвижимость? Богатые люди расхватывают недвижимость в тех местах, как горячие пирожки!

Филипп Рубинов был очень доволен собой и очень само-

надеян. Тут же он поставил меня в известность о своём отредактированном плане.

– В тех краях у меня есть друг, богатый бизнесмен, занимается гостиничным бизнесом. Он и поможет мне сориентироваться. План такой: до Симферополя летим на самолёте, а потом в Гурзуф, он отвезёт нас на своей машине. Ну и даст мне какую-то машину, чтобы мы перемещались в местных краях. Я уже с ним договорился. Учти: подробности нашей поездки будут храниться в глубокой тайне – и от прессы, и от досужих сплетников. Поэтому если ты и ляпнешь родителям или подруге, что едешь с кем-то в Крым, пожалуйста, не вздумай называть мое имя.

– Это я могу тебе обещать. Я всё-таки люблю своих родителей. Когда они узнают, что я связалась с мужчиной, который старше меня на 26 лет, не собирается на мне жениться, да ещё и в довершение ко всем прелестям художник... Нет, я ни слова им не скажу. Я очень люблю своих родителей.

– Спасибо и на этом! Высоко же ты меня ценишь.

– Как и ты меня.

– Ладно. Давай остановимся, а не то сейчас как наговорим друг другу комплиментов... Короче – будешь молчать. О Крыме, обо мне, обо всём. Иначе у нас ничего не получится.

– А что должно получиться?

– Спокойно, без проблем провести две недели у моря в моём новом доме. Что же ещё?

Самым трудным оказался разговор с мамой. Я и не подозревала, насколько он будет сложным. Мама никак не могла принять то, что я решила полностью изменить свою судьбу. Мне пришлось ей рассказать всё. И то, что я рассказала, повергло её в ужас. Я прекрасно могла понять её чувства. Но она ни за что не хотела понять мои.

Однажды вечером я попросила её сесть и сказала:

– Мама, через несколько дней я уезжаю в Крым отдыхать с одним человеком. Это не мой жених. И я тебе не скажу, кто он. Прости меня за это. Он не женится на мне никогда. Кстати, он и не собирался этого делать. Да я ему и не пара. Я его недостойна. Мы будем вместе две недели у моря. И, конечно, никакой свадьбы не будет. Я всё рассказала моему бывшему жениху, и мы решили расстаться. Навсегда. Я его не люблю, и никогда не любила. Я не могу выйти замуж без любви.

– Тебе плохо? Ты не здорова?

– Нет. Мне хорошо. Того, с кем я поеду к морю, я, наверное, очень сильно люблю. Хотя это совершенно не важно. Важно другое. Мама, я всё решила. Не думай, пожалуйста, что сейчас я советуюсь с тобой. Это низко – так говорить, я знаю. Но, повторяю, я всё давно решила и ставлю тебя в известность. Папе скажи сама так, как считаешь нужным. Про свадьбу, и про всё такое. Я не знаю, как ему сказать.

– У тебя есть жених.

– Уже нет. Я его бросила.

– Ради того, с кем ты едешь в Крым?

– Да. И не только из-за этого. Просто я поняла, что не смогу прожить так всю свою жизнь.

– Так – это как?

– Спокойно. По привычке.

– Что плохого в спокойствии?

– Всё. Оно убивает.

– А неопределённость и одиночество?

– Почему ты заговорила об одиночестве?

– Я так поняла, что твой этот... попутчик по отдыху просто ищет сомнительных развлечений. Решил две недели без всяких обязательств поразвлекаться с тобой, а потом беспардонно выбросить, ничуть не интересуясь твоей жизнью. Я правильно поняла?

– Наверное, да.

– У него хоть деньги на дорогу есть, или он едет за твой счёт?

– Есть. Это я еду за его счёт. Мама, у него всё в порядке с деньгами.

– Он женат, так?

– Ну... наверное, но не на женщине.

– ЧТО?!

– Извини, я пошутила. Нет, не женат.

– Тогда почему он не хочет жениться на тебе?

– Мама, я не могу объяснить. Это слишком сложно.

– Нет, это просто. Если он не хочет связать с тобой свою

жизнь, значит, он не только тебя не любит, но даже не уважает.

– Возможно, ты права.

– И ради такого человека ты бросила жениха, который готов был тебя на руках носить?

– Это не так. Он не был готов носить меня на руках. И я его тоже.

– Очень смешно! Самый повод хохмить! Я одного не могу понять: если с этим... типом всё так плохо, почему нельзя было съездить тайком, не говоря правду?

– Мама!.. Я не могу тайком!

– Ну и дура! Неужели ты считаешься, что такими, как твой жених, можно бросаться? Да его через две минуты подберут!

– Пусть подбирают.

– Нет, ты определённо выжила из ума! А о нас с отцом ты подумала? Могла бы выйти за него хотя бы для нашего спокойствия, чтобы мы были твёрдо уверены в том, что ты хорошо устроила свою жизнь...

– Мама, ты сама себя слышишь? Ты хоть слышишь, что говоришь?!

– Может, ещё не поздно передумать?

– Поздно. Я не выйду замуж за моего бывшего... Он мне противен. Так противен, что мне неприятно даже вспоминать его имя.

– Что он сделал? В нём причина, да?

– Нет. Он ничего не сделал. И это причина. Сделала я.

– Но ведь свадьба, гости, ресторан...

– Ещё никто ни за что не платил, так что всё в порядке.

Кроме того, я с самого начала была против этой свадьбы. Но вы с отцом так решили, вот и выходите за него замуж.

– Ещё смешнее! Как ты смеешь поступать с нами так?

– Мама, перестань!

– Да это просто неприлично! Я тебя не отпущу!

– Мама, не будь ребенком. Я взрослый совершеннолетний человек и имею право сама распоряжаться своей жизнью.

– Я никогда не думала, что ты способна на такой ужасный поступок!

– Что я делаю такого ужасного?

– Когда станешь матерью, ты меня поймёшь! Отпустить неизвестно куда, неизвестно с кем... А если ты не вернёшься из этой поездки? Где тебя потом мне искать? Ты просто обязана мне сказать имя этого человека! Если уж ты не хочешь привести его в дом, познакомить с нами... В конце концов, я имею право знать!

Я задумалась – в словах мамы был смысл. В конце концов, она была самым близким для меня человеком... и я назвала имя Филиппа Рубинова, и даже оставила маме его номер мобильного телефон. Конечно, я немного нарушила данное мною слово... Но иначе поступить я не могла. И я не сомневалась в том, что поступаю правильно. Я не могла причинить маме столько боли, я прекрасно понимала, знала и чувствовала, что если не скажу правду, мама будет страшно стра-

дать.

Но едва я сказала правду, как тут же пожалела об этом.

– Я не выдам твой секрет, – мама поджала губы, – от меня никто не узнает имя твоего любовника. Но знай, что с сегодняшнего дня ты навсегда упала в моих глазах. Я никогда не думала, что ты упадешь так низко. Мне жаль, что я родила настолько неудачную дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.